

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.),
Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, (ИНИОН РАН,
зав. отд. языкознания), *В.М. Алтатов* – д-р филол. наук, акад. РАН (ИЯ РАН, гл.
науч. сотр.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. Пушкина, РГГУ,
проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.), *С.С. Галактионов* (ИНИОН
РАН, мл. науч. сотр.), *Е.А. Казак* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, науч. сотр.),
В.И. Карасик – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, проф.),
Л.Р. Комалова – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *В.Г. Кузнецов* –
д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *А.П. Лободанов* – д-р филол. наук (МГУ им.
М.В. Ломоносова, проф.), *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ, проф.),
Е.О. Опарина – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, ст. науч. сотр.),
В.А. Пищальникова – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол.
наук (МГЛУ, дир. Института прикладной и математической лингвистики),
В.В. Потапов – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр.),
М.М. Раевская – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.),
М.Б. Раренко – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *С.А. Ромашко* –
канд. филол. наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* –
д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук
(ИЯ РАН, гл. науч. сотр., зав. отд. экспериментальных исследований речи),
И.А. Шаронов – д-р филол. наук (РГГУ, зав. кафедрой)

Ответственный за выпуск – *С.С. Галактионов*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2024.01.00

© ИНИОН РАН, 2024

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2024 – 1

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
***Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences***

Editorial Board of the “linguistics” series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *E.B. Yakovleva* – Doctor of Philology, deputy Editor-in-Chief, (INION RAN, Head of the Department of Linguistics), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, prof.), *S.S. Galaktionov* (INION RAN, junior researcher), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, leading researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *A.P. Lobodanov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, prof.), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology (INION RAN, senior researcher), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, senior researcher), *M.M. Raevskaya* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology (INION RAN, leading researcher), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary translators’ guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *K. Ya. Seagal* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU)

Responsible for the issue – *S.S. Galaktionov*

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФЦ 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2024.01.00

© INION RAN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Марусенко М.А. Глобальный английский и национальная идентичность 7

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Долинский В.А. Психиатрическая терминология во внутреннем лексиконе носителей языка (на материале ассоциативного эксперимента) 14

УРОВНИ ЯЗЫКА

Лексикология

Борисова Е.Г., Паршин П.Б. Описание усилительных (дискурсивных) частиц и развитие исследовательского аппарата науки о языке 39

Диалектология

Галактионов С.С. К вопросу о сохранении ниццкого говора окситанского языка: актуальные инициативы 56

РЕЦЕНЗИИ

Опарина Е.О., Раренко М.Б. Рецензия на монографию: Карасик В.И. Языковое преобразование реальности. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – 500 с. 77

Яковлева Э.Б. Рецензия на монографию: Исакова Л.Д. Многообразие языков в их вариативности. – Москва : Проспект, 2022. – 176 с. 97

CONTENTS

SOCIOLINGUISTICS

<i>Marusenko M.A.</i> Global English and national identity	7
--	---

PSYCHOLINGUISTICS

<i>Dolinsky V.A.</i> Psychiatric terminology in the internal lexicon of speakers (based on the material of word association test)	14
--	----

LANGUAGE LEVELS

Lexicology

<i>Borisova E.G., Parshin P.B.</i> Description of intensifying (discursive) particles and the development of research methods of linguistics	39
---	----

Dialectology

<i>Galaktionov S.S.</i> Towards the preservation of the niçard dialect of the Occitan language: current initiatives	56
--	----

REVIEWS

<i>Oparina E.O., Rarenko M.B.</i> Monograph review: Karasik V.I. The language transformation of reality. – Moscow: State institute of the Russian language named after A.S. Pushkin, 2023. – 500 p.	77
--	----

<i>Yakovleva E.B.</i> Monograph review: Isakova L.D. The diversity of languages in their variability. – Moscow: Prospekt, 2022. – 176 p.	97
--	----

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

SOCIOLINGUISTICS

УДК 81-272

DOI: 10.31249/ling/2024.01.01

Марусенко М.А.¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация: В статье рассматриваются отношения между языком и национальной идентичностью в свете противоречия между глобализмом и национализмом, одним из проявлений которого являются проблемы распространения глобального английского языка и изменения национальной идентичности. Появление мировых английских знаменует новый этап развития мировой системы языков.

Ключевые слова: глобальный английский; национальная идентичность; мировые английские; мировой языковой порядок.

Для цитирования: Марусенко М.А. Глобальный английский и национальная идентичность // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 1. – С. 7–13. – DOI: 10.31249/ling/2024.01.01

---

¹ © Марусенко М.А., 2024

Марусенко Михаил Александрович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; mamikhail@yandex.ru

MARUSENKO M.A.¹

GLOBAL ENGLISH AND NATIONAL IDENTITY

Abstract. The article examines the relationship between language and national identity in the light of the contradiction between globalism and nationalism, one of the manifestations of which is the problems of the spread of global English and changing national identity. The emergence of Global English marks a new stage in the development of the world language system.

Keywords: global English; national identity; world English; world language order.

For citation: Marusenko M.A. Global English and National Identity. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 1. P. 7–13. DOI: 10.31249/ling/2024.01.01

На рубеже XX–XXI вв. политологи заговорили о «новом мировом порядке». Мир не был готов к такому быстрому падению железного занавеса, окончанию холодной войны, ослаблению противостояния между Востоком и Западом и нарушению национальной стабильности в некоторых странах. Начиная с Саммита Земли в Рио-де-Жанейро (1992) мир стал склоняться к своему глобальному варианту, при котором глобализм неминуемо должен был вступить в конфронтацию с национализмом, которого продолжает придерживаться целый ряд стран. Глобалистское мышление не является новым, но оно стало доминирующим и общепринятым в тех странах, которые отказались от национализма как доминирующего фактора своей социальной идентичности и стали мыслить глобально, но действовать локально, предлагая решать глобальные проблемы национальными методами [Марусенко, 2018].

В сознании большого числа людей одним из проявлений глобализации является распространение английского языка. Одним из постулатов глобализма является возникновение международного вспомогательного языка. Каждая мировая война и смена

---

¹ © Marusenko M.A., 2023

Marusenko Mikhail Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Computational Linguistics, Faculty of Philology, St-Petersburg State University; mamikhail@yandex.ru

технологического уклада вызывают потребность в таком языке. Поэтому сегодня английский является неоспоримым языком международной коммуникации, став официальным языком более чем в 60 странах и заняв сильные позиции еще более чем в двух десятках государств.

Хотя мир пережил не один *lingua franca* за свою историю (санскрит, греческий, латинский, арабский и французский), никогда еще один язык не использовался для стольких целей и в стольких странах, как английский в XX–XXI вв.

Неудивительно, что моральные, социальные и культурные аспекты распространения английского языка после Второй мировой войны стали привлекать внимание политологов, философов и лингвистов.

В политологии язык рассматривается как одна из форм групповой идентичности, особенно когда речь идет об этнической идентичности. Важность языка для построения групповой идентичности трудно переоценить: «Языковые характеристики являются связью, которая объединяет индивидуальные и социальные идентичности. Язык представляет средства как для создания этой связи, так и для ее выражения» [Tabouret-Keller, 1997, p. 317]. На сегодняшний день в исследовании связи языка и национализма дальше всех продвинулась политология, сформировавшая эссенциалистскую точку зрения на групповую идентичность: «Носители языка *X* принадлежат к нации *X*». Однако носители языка могут менять свою групповую идентичность, продолжая тем не менее пользоваться этим языком. Использование определенного языка не обязательно приписывает человеку определенную идентичность, хотя «в народной идеологии язык стремится стать фундаментальным, даже естественным и неотделимым аспектом этничности или групповой идентичности» [Blommaert, Verschueren, 1998, p. 158].

Современные представления о групповой идентичности и о формировании национальной идентичности национального государства основаны на деконструкции эссенциалистских взглядов на идентичность национальных групп, имея, однако, в виду, что идентичность формируется в обществе и очень часто с использованием определенного языка.

Языки наций, этнических групп или национальных государств, выражая культурные различия, служат для отделения

одной группы от других, помогая устанавливать межгрупповые границы. Велика роль языка в формировании национализма и национальной идентичности. Достаточно посмотреть на названия наций, которые очень часто совпадают с названиями языков: русские живут в России и говорят по-русски, французы живут во Франции и говорят по-французски и т.д. Монокультурная природа национального государства, в котором в идеальном случае этнические границы не пересекают политические, является одним из ключевых положений, на которых стоит идеология моноязычной нации. На самом деле, это положение весьма спорно: так, например, в Великобритании живет много выходцев из Уэльса, которые самоидентифицируются с Уэльсом, хотя говорят на уэльском и/или английском. Очень редко миноритарные группы используют один язык. Идеальное отношение между языком и группой, когда язык служит универсальным символом всей группы, является историческим мифом и не встречается в природе [Irvine, Gal, 2000, p. 37].

Так, до формирования германской нации народы, населяющие нынешнюю Германию, не имели общей религии, страна была разделена на множество маленьких государств, поэтому немецкие философы-романтики И. Фихте, И. Гердер и В. фон Гумбольдт заявили, что язык является главным для формирования нации и национального государства. Они являются основоположниками «органического» или «языкового» национализма, в котором культура вообще и язык в частности порождают сущность или дух нации, и язык становится самой важной отличительной характеристикой национального духа. В середине XIX в. большинство ученых считали, что язык абсолютно независим от человеческой воли и индивидуальных намерений. Эта органическая точка зрения использовалась как инструмент для формирования национального самосознания. Только чистый язык может соответствовать потребностям здоровой нации. Модный в то время дарвинизм добавил к этому идею, что только единственный стандартный язык является чистым и естественным результатом эволюционного процесса [Schneider, 2005].

Большинство социолингвистов продолжают пользоваться фиксированными и статичными категориями «класс», «гендер», «идентичность», как если бы они были рамками, к которым каждый язык должен адаптироваться. Д. Камерон так выразила связь между

языком и идентичностью: «Язык – это одна из вещей, которые образуют мою идентичность как субъекта особого рода» [Cameron, 1995, p. 16]. Однако жизнь заставляет социолингвистов проявлять большую гибкость в формулировках понятий, относящихся к языку, идентичности и этнической принадлежности.

Та область социолингвистики, которая занимается общей картиной использования языков и, в частности, глобальным распространением английского, сформировалась на раннем этапе развития социолингвистики, когда идентичности считались заранее заданными и связанными с национальной или этнической принадлежностью. Несмотря на то, что современные работы свидетельствуют о более динамичном подходе к использованию языков и идентичности, давление устаревших социолингвистических теорий продолжает ощущаться в работах по глобальному английскому [Pennycook, 2003, p. 513–533]. Он считается неотъемлемым элементом капитализма, его науки и технологии, идеологии модернизации, глобализации, интернационализации, моноязычия как нормы, американизации и гомогенизации культуры.

Необходимо учитывать внутреннюю неоднородность «глобального английского», приведшую к появлению «мировых английских» (World Englishes) – новых развивающихся норм для вариантов языка, возникающих в результате креативности двуязычных людей в разных регионах мира. Эти периферийные гибридные варианты (Индия, Япония, Сингапур, Южная Корея и другие страны Юго-Восточной Азии), некоторые из них доросли уже до стадии стандартизации, являются носителями другой идеологии, не связанной с идеологией стран Центра.

Эта новая социолингвистическая парадигма заставляет обратить внимание на новые проблемы: развитие многоязычия, статус ошибок и дивергентных форм, нормы и стандарты для носителей вариантов английского от рождения, креативность двуязычия и т.д.

Это было результатом распространявшегося с 1960-х годов в научном сообществе мнения о том, что английский больше не является собственностью британцев, или даже британцев и американцев, но международным языком, который все большее число людей использует для своих целей в самых разнообразных вариантах. В 1970-х годах Л. Смит предложил термин «английский как международный вспомогательный язык» (English as an International

Auxiliary Language – EIAL) и предложил отказаться от использования терминов «второй язык» и «иностранный язык», потому что «английский как международный вспомогательный язык» более точно отражает современное состояние английского языка в мире [Smith, 1976, p. 38–42].

Во многих странах проблемой является возможная эрозия идентичности: антинациональная кампания по изучению английского несет с собой западные концепты, включая социальные, культурные, деловые и политические идеи. Так, в Китае традиционные китайские идеи могли оказаться под угрозой заменены на западные, которые внедряются в общество с сомнительными целями [Qiang, Wolff, 2003, p. 9–11]. Существуют опасные последствия для автохтонных китайских языков, особенно для мандаринского диалекта (путунхуа). Идентичностная эрозия выражается в новой китайской традиции давать детям дополнительные английские имена для облегчения контактов с людьми из западных стран. Однако нужно иметь в виду, что китайская ситуация ничем не отличается от того, что происходит в других азиатских странах. Пример Индии, сходной по численности населения и тоже многоязычной, показывает, вестернизация не может иметь только позитивные аспекты. Очевидно, что в долгосрочной перспективе многим странам предстоит пройти по тому же пути.

Список литературы

- Марусенко М.А. Новый языковой порядок. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 684 с.
- Blommaert J., Verschueren J. The Role of Language in European Nationalist Ideologies / B.B. Schieffelin, K.A. Woolard, P.V. Kroskrity (Eds) // Language Ideologies. Practice and Theory. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – P. 189–210.
- Cameron D. Verbal Hygiene. – London : Routledge, 1995. – 280 p.
- Irvine J., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation / P.V. Kroskrity (Ed) // Regimes of Language. – Santa Fe, New Mexico : School of American Research Press, 2000. – P. 35–83.
- Pennycook A. Global Englishes, Rip Slyme and performativity // Journal of Sociolinguistics. – 2003. – Vol. 7, Issue 4. – P. 513–533.
- Qiang N., Wolff M. Chian and Chinese, or Chingland and Chinglish? // English Today. – 2003. – Vol. 19(2). – P. 9–11.
- Schneider B. Linguistic Human Rights and Migrant Languages // English and American Studies in German. – 2005. – Vol. 2005. – P. 138–141.

Smith L.E. English as an International Auxiliary Language // *RELC Journal*. – 1976. – N 7. – P. 38–42.

Tabouret-Keller A. Language and Identity / F. Coulmas (Ed) // *The Handbook of Sociolinguistics*. – Oxford : Blackwell, 1997. – P. 315–326.

References

Marusenko M.A. *Novyj jazykovej porjadok* [New language order]. Saint Petersburg: Izd-vo RSPU named after A.I. Herzen, 2018. 684 p. (In Russian)

Blommaert J., Verschueren J. The Role of Language in European Nationalist Ideologies. In *Language Ideologies. Practice and Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 189–210.

Cameron D. *Verbal Hygiene*. London: Routledge, 1995. 280 p.

Irvine J., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation. In *Regimes of Language*. Santa Fe, New Mexico: School of American Research Press, 2000. P. 35–83.

Pennycook A. Global Englishes, Rip Slyme and performativity. *Journal of Sociolinguistics*. 2003. Vol. 7. Issue 4. P. 513–533.

Qiang N., Wolff M. Chian and Chinese, or Chingland and Chinglish? *English Today*. 2003. Vol. 19(2). P. 9–11.

Schneider B. Linguistic Human Rights and Migrant Languages. *English and American Studies in German*. 2005. Vol. 2005. P. 138–141.

Smith L.E. English as an International Auxiliary Language. *RELC Journal*. 1976. N 7. P. 38–42.

Tabouret-Keller A. Language and Identity. In *The Handbook of Sociolinguistics*. Oxford: Blackwell, 1997. P. 315–326.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81'32

DOI: 10.31249/ling/2024.01.02

Долинский В.А.¹

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ВО ВНУТРЕННЕМ ЛЕКСИКОНЕ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация. Статья посвящена изучению внутреннего лексикона российских студентов в сфере психиатрической терминологии на материале вербальных ассоциаций. Эксперимент проводился среди 215 испытуемых – студентов российских вузов. Ассоциации, полученные экспериментальным путем, выявляют метаязыковую рефлексивность информантов, картину мира, формируемую популяризацией психологии и психиатрии в СМИ и социальных интернет-сетях. Забота о здоровье, в том числе и психическом, становится популярной, входит в моду. В ассоциативных полях прослеживается осведомленность молодых людей о психических расстройствах и эмоциональных нарушениях, методах лечения (психотерапия, медикаментозная терапия). Многие ассоциации демонстрируют понимание темы психических нарушений, сочувствие по отношению к людям, страдающим психическими расстройствами, низкую степень стигматизации душевных недугов и серьезное отношение к данной теме.

Ключевые слова: ассоциативные поля слов; психиатрический дискурс; внутренний лексикон; экспериментальные исследования; количественная лингвистика; частотно-ранговые распределения.

---

¹© Долинский В.А., 2024

Долинский Владимир Аркадьевич – д-р филол. наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета; vdolinsky@yandex.ru

Для цитирования: Долинский В.А. Психиатрическая терминология во внутреннем лексиконе носителей языка (на материале ассоциативного эксперимента) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 1. – С. 14–38. – DOI: 10.31249/ling/2024.01.02

DOLINSKY V.A.¹

PSYCHIATRIC TERMINOLOGY IN THE INTERNAL LEXICON OF SPEAKERS
(BASED ON THE MATERIAL OF WORD ASSOCIATION TEST)

Abstract. The paper is devoted to the study of Russian students' internal lexicon in the sphere of psychiatric terminology on the material of verbal associations. The experiment was conducted among 215 subjects – students of Russian universities. The associations obtained in the experiment reveal the informants' metalinguistic reflection, the picture of the world formed by the popularization of psychology and psychiatry in the media and social networks. Taking care of health, including mental health, is becoming popular and fashionable. Young people's awareness of mental disorders and emotional disturbances, treatment methods (psychotherapy, medication therapy) can be seen in the associative fields. Many associations demonstrate an understanding of the topic of mental disorders, empathy towards people suffering from mental disorders, a low degree of stigmatization of mental illness and a serious attitude towards this topic.

Keywords: word association fields; psychiatric discourse; internal lexicon; experimental studies; quantitative linguistics; rank-frequency distributions.

For citation: Dolinsky V.A. Psychiatric terminology in the internal lexicon of speakers (based on the material of word association test). *Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 1. P. 14–38. DOI: 10.31249/ling/2024.01.02

Введение

Одной из самых привлекательных сфер науки для современного человека является психиатрия [Бедина, 2022; Вайсман, 2002; Долинский, 2013; Обыденное ... , 2012]. Интерес к ней зародился еще в начале XX в. Мощное влияние на культуру и общество оказал

---

¹ © Dolinsky V.A., 2024

Dolinsky Vladimir Arkadievich – Doctor of Science in Linguistics, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University; vdolinsky@yandex.ru

психоанализ. За 100 лет психиатрия и психотерапия добились (по мнению своих адептов) огромных успехов в изучении и лечении психических расстройств, а еще больше – в популяризации своих идей и терминологии. Диагноз «депрессия» ставится все чаще; сеансы психотерапии и применение антидепрессантов стали обыденностью. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), от депрессии во всем мире страдает более 264 млн человек. Причинами психических расстройств являются наследственность, стрессы, уровень жизни, национальная политика [Depression, 2021].

Заболевания психики, благодаря усилиям фармацевтических концернов, сегодня «понимаются как болезни мозга и, таким образом, как биологическая проблема, требующая использования лекарств» [Хаслер, 2022].

Мы можем услышать разговор о «биполярном расстройстве» или «депрессии» в кафе или на улице. Но если в коммуникации специалистов термины психиатрии имеют конкретное значение, то в обыденных разговорах их границы размываются, и, как это всегда происходит с терминами за рамками терминосистем, их семантика насыщается несвойственными терминам коннотациями. Иногда собеседники имеют настолько разные ассоциации с терминами, что не понимают друг друга.

Цель данного исследования заключается в анализе особенностей хранения и осмысления психиатрических и психологических терминов во внутреннем лексиконе носителей современного русского языка, в частности, студентов. Ассоциативный эксперимент помогает «вскрыть» взаимосвязи между сложными терминами и их осмыслением (собственной реакцией на них индивида), составить актуальную картину восприятия психиатрии, психических расстройств, состояний, симптомов современными студентами. Это поможет выявить, как молодое поколение воспринимает диагнозы, поставленные психиатром – романтизирует или демонизирует их.

Любые ассоциации, полученные в результате эксперимента, – как входящие в ядро ассоциативного поля, так и периферийные и уникальные – являются ценным материалом для исследователя. Важнейшей особенностью ассоциативного эксперимента (АЭ) является его свойство представлять количественную и качественную

стороны организации внутреннего лексикона, эмпирический и процедурный характер лингвистической информации, содержащейся в его данных, а также возможность повторения эксперимента и верификации. Это выгодно отличает данный метод, близкий к естественно-научному, от традиционного подхода, ограниченного наблюдением и интроспекцией [Долинский, 2022].

АЭ используется в качестве инструмента изучения внутреннего лексикона через призму индивидуального знания и многостороннего опыта индивида, проведения психологического портретирования личности [Залевская, 2013]. АЭ позволяет изучать содержание обыденного сознания, стереотипы мышления, динамику структур знания [Чулкина, 2004]. Ассоциативные поля выявляют специфику языкового сознания как индивида, так и группы (возрастной или профессиональной).

По А.А. Залевской, «каждый научный термин входит в определенную категориальную систему, имплицитно целый ряд соответствующих выводных знаний» [Залевская, 2019]. Отсутствие соответствующих знаний служит причиной недопонимания или неверного осмысления того или иного понятия. Современная молодежь знает о многих феноменах понаслышке, знания эти часто поверхностны. Но тема психического здоровья становится все более популярной, термины, обозначающие диагнозы и симптомы, психические состояния и препараты, употребляются все чаще. Важно выяснить, как воспринимают эти сложные термины люди, использующие их.

А.А. Потебня писал: «Пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это все равно как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, т.е. не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» [Потебня, 1976, с. 464–466].

В последнее время в среде молодежи наблюдается тенденция к осознанному и ответственному отношению к информации. Правда, прослеживается это лишь в некоторых областях, среди которых экология, социология, ментальное здоровье. Это подтверждают исследования, проводимые молодыми специалистами. Так, в исследовании 2022 г. выявлена высокая заинтересованность респондентов в получении знаний о психологии (88,5% респондентов)

[Бедина, 2022]. В основном это касается молодых людей из крупных городов, где поток информации наиболее интенсивен, а вопросы психического здоровья стоят особенно остро.

Результаты проводимого нами исследования, кроме данных об ассоциативных полях терминов сферы психологии и психиатрии, позволят подтвердить (или опровергнуть) гипотезу о сознательном отношении молодежи к теме психического здоровья.

Материал исследования. Сведения об испытуемых

Материалом исследования послужили данные, полученные в свободном АЭ с регистрацией первого и единственного ответа, проведенном среди студентов российских вузов в два этапа (в феврале 2021 и в марте 2022 г.). Ввиду эпидемиологической ситуации (распространение коронавирусной инфекции) АЭ был проведен на платформе Google Forms (дистанционно и анонимно). В результате было получено 215 заполненных анкет, отвечающих условиям эксперимента. В общей сложности собрано 9640 ассоциатов (на 40 стимулов), из которых 3500 – реакции на термины из области психологии и психиатрии (14 стимулов по категориям «диагнозы», «симптомы», «состояния»).

В качестве испытуемых в свободном АЭ выступали студенты следующих вузов: МГЛУ, ВШЭ, НГТУ, РАНХиГС, РГГМУ, МГУ, РГАУ–МСХА им. Тимирязева, МВА им. Скрябина, РГПУ им. Герцена, УдГУ, НГЛУ им. Добролюбова, ИТМО, БашГУ, СПбГАСУ, СПбГУ, МВШСЭН, АУГСГИП, НИИ ТГУ, АГТУ, ТГМУ, СПбГЛТУ, ПГПУ им. Белинского, РГИСИ. Из личных данных испытуемых (пол, возраст, родной язык и специальность) важным критерием был русский язык в качестве родного языка информанта. Были исключены несколько анкет с указанием иного языка, а также забракованные анкеты. В ассоциативном эксперименте приняли участие 215 студентов в возрасте от 17 до 28 лет: 50 мужчин, 164 женщины. Автор выражает благодарность бакалавру МГЛУ М.А. Ельницкой за участие в проведении экспериментов.

Методика эксперимента. Обработка данных

Испытуемым была дана инструкция, в которой были описаны правила эксперимента. Среди вопросов, заданных участниками, были такие: «Можно ли употреблять существительные в форме множественного числа?», «Можно ли использовать слова на иностранном языке?», «Можно ли приводить в ответах предлоги, числительные, имена собственные?», «Разрешено ли использование сленга?» Участникам было позволено давать любые ответы. По отзывам участников, среднее время заполнения анкеты составило от 5 до 10 минут.

В качестве слов-стимулов испытуемым предлагались 40 лексических единиц (имена существительные). Из них 14 единиц (предмет эксперимента) являлись терминами, употребляемыми психологами и психиатрами, а также словами, обозначающими эмоциональные состояния человека (ЭМОЦИЯ, ТРАВМА, АПАТИЯ, ДЕЛИРИЙ, ТРЕВОЖНОСТЬ, ДЕПРЕССИЯ, ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ, ПОДАВЛЕННОСТЬ, ИМПУЛЬСИВНОСТЬ, ФРУСТРАЦИЯ, МЕЛАНХОЛИЯ, НЕВРОЗ, АНТИДЕПРЕССАНТЫ, ТОСКА). Некоторые стимулы были вполне знакомы респондентам, другие же вызывали затруднения (например, слово-стимул ДЕЛИРИЙ). Остальные 26 слов-стимулов являлись высокочастотными общеупотребительными словами быденного лексикона (БАБОЧКА, ЧИСТОТА, ВОДА, РУКА, УТРО, ДОКТОР, ДОМ, ЦВЕТОК, ХЛЕБ, РАДОСТЬ, ЖИЗНЬ, ЗДОРОВЬЕ, КЛЮКВА, СЫР, СЧАСТЬЕ, ДЕНЬ, НОГА, ОБЕД, ЛИЦО, ОКНО, ПАМЯТЬ, ЛЕС, ГАЛСТУК, МЕЛОДИЯ, СИМПАТИЯ, ОЗЕРО). Данные номинации были внесены в анкету для активизации ассоциативного процесса испытуемых.

Последовательность стимульных слов в опросных листах определена исходя из принципа минимизации семантических связей слов-соседей.

Данные, полученные в АЭ, были разделены на 14 файлов (ассоциативные поля на каждый стимул). Каждой единице был присвоен частотный индекс. Все ассоциаты были ранжированы по убыванию частот, равночастотные единицы расположены в алфавитном порядке. Важным этапом обработки данных АЭ была лемматизация. Лемматизация – это метод лексико-морфологического анализа, который сводится к приведению словоформы к ее первоначальной словарной форме (лемме).

Таблица 1

Ассоциативные поля 14 слов-стимулов

Стимулы	Реакции
АНТИДЕПРЕССАНТЫ	<p>Таблетки 63, Лекарство 19, Помощь 11, Выход 5, Лечение 5, Препараты 4, Спасение 4, Болезнь 4, Депрессия 3, Колёса 3, Сон 3, Упаковка 3, - 2, Золофт 2, Нужны 2, Освобождение 2, Пиллолы 2, Подавление 2, Помогают 2, Рекситин 2, Рецепт 2, Сонливость 2, Флуоксетин 2, Бабушка, Блистер, Боль, Боязнь, Ванна, Вода, Врач, Глотать, Деньги, Дорогие, Ежеутренние, Капли, Коробка, Костыли, Моя жизнь, Муж, Надежда, Нейролептики, Непонятно, Нормально, Опасность, Опыт, Отрешенность, Петля, Пить, Плохо, Побочное действие, Подавленность, Поиск, Покой, Прописанные, Психиатр, Психолог, Радость, Разноцветные, Разочарование, Регулярность, Секс, Слабость, Сложность, Спокойствие, Средство, Тонкий лёд, Тошнота, Тупик, Тяжелые, Фармация, Фенибут</p>
АПАТИЯ	<p>Депрессия 18, Грусть 16, Слезы 9, Печаль 7, Усталость 7, Лень 6, Сон 6, Пустота 5, Лежать 4, Утрата 3, - 2, Безразличие 2, Боль 2, Всегда 2, Горечь 2, Горькое 2, Жизнь 2, Кровать 2, Нежелание 2, Отсутствие 2, Отчаяние 2, Постоянная 2, Радость 2, Серый 2, Синий 2, Смерть 2, Страх 2, Уныние 2, Чувство 2, Эмпатия 2, Абулия, Аптека, Бездействие, Безделье, Беззащитность, Бессонница, Блеклый цвет, Больница, Булимия, Взгляд, Вздохи, Вина, Горе, Горесть, Грустно, Дождь за окном, Друг, Жалость, Жираф, Задыхаться, Искренне, Искупление, Каждодневная, Кофе, Лето, Ложь, Массовая, Милость, Моя, Мрак, Мысль, Надо, Нельзя, Несчастье, Неудача, Ничего, Ночь, О будущем, О прошлом, О сделанном, Обида, Опушенный взгляд, Опыт, Отстранённость, Отсутствие сил, Отторжение, Ошибка, Плохо, Подруга, Полная, Помощь, Постель, Потолок, Проблема, Психическая, Пыль, Равнодушие, Раздраженность, Разочарование, Раскаяние, Руки, Скоро, Скучно, Слабость, Сонливость, Страдание, Стрелочка, Стресс, Стыд, Таблетки, Темнота, Тёмно-синий, Тлен, Тоска, Тупик, Унылая, Упущенное, Учеба, Фрустрация, Чёрная, Чёрные деревья, Шизофрения, Эль падио, Я</p>
ДЕЛИРИЙ	<p>Что это? 25, - 24, Алкоголь 18, Химия 10, Химический элемент 7, Болезнь 5, Бред 5, Больница 4, Страх 4, Безумие 3, Горячка 3, Деливери Клуб 3, Дельфин 2, Книга 2, Мысль 2, Наркотик 2, Незнакомое слово 2, Опасность 2, Расстройств 2, Состояние 2, Алкоголик, Алюминий, Атом, Бабушка, Безнадежность, Белочка, Бериллий, Бессознательный, Бредни, Валерий, Вещество, Википедия, Вкусный, Впервые вижу такое слово, Вязкость, Галлюцинация, Глаза, Греция, Греческий, Грязь, Делоран, Дерево, Диджитал, Дмитрий, Дом, Жидкостный, Забывчивость, Забытьё, Зеленый, История, Какой-нибудь бог, Камень, Клоун, Кожа, Кушать, Лихорадка, Любовь, Мокриций, Муть, Не знаю, Незвестность, Неорганизованность, Ничего, Нож, Одногруппница, Омикрон, Онейронд, Опыянение, Остров, Песня, Пиво, Плюмбум, Пволока, Полоний, Помешательство, Помутнение, Проблема, Псих, Психический, Пугающий, Пустота, Разделение, Разноцветный, Разрозненность, Рассудок, Сознание, Солнце, Солярий, Сон, Сонный, Страус, Счастье, Таблица Менделеева, Термин, Тетрадь для записей, Тревожный знак, Тременс, Уголь, Хром, Чё, Что-то непонятное, Экзистенция, Эликсир, Я, Delete</p>

**Психиатрическая терминология во внутреннем лексиконе носителей языка
(на материале ассоциативного эксперимента)**

Стимулы	Реакции
ДЕПРЕССИЯ	<p>Боль 13, Чёрный 11, Болезнь 7, Грусть 6, Слезы 6, Серая 5, Темнота 5, - 5, Апатия 5, Антидепрессанты 4, Смерть 4, Страх 4, Я 4, Диагноз 3, Пустота 3, Серость 3, Сон 3, Усталость 3, Больница 2, Глубокая 2, Грустно 2, Давление 2, Кровать 2, Одиночество 2, Постоянная 2, Психиатр 2, Расстройство 2, Страшно 2, Таблетки 2, Тяжесть 2, Агония, Безвыходность, Безразличие, Бессилие, Бессмысленность, Бессонница, Будничность, Вечность, Возможно, Врач, Выход, Глубокая яма, Деньги, Дисперсия, Дочь, Жизнь, Закрытая комната, Иногда, Камень, Клиническая, Конец, Кошка, Крик, Лежать, Лекарство, Лес, Лечение, Лечится, Маниакальная, Мания, Моя, Мрак, Невыносимо, Нежелание, Неизлечимая, Нет, Обсессия, Обыденность, Одеядо, Онкология, Опыт, Отвергнутость, Отрицание, Отсутствие, Отсутствие мотивации, Отчаяние, Печаль, Плохо, Подруга, Пресс эф, Привычки, Привычная, Приспособленность, Продолжительная, Профессия, Прятать лицо, Психиатрия, Психотерапевт, Пусто, Разрушает, Раскол, Рядом, Сальные волосы, Селфхарм, Сертралин, Синяки, Слабость, Сожжение, Состояние, Стадия, Стена, Стыд, Темно-синий, Тоска, Тьма, Тяжелая, Удручающая, Улыбка, Упадок, Утрата, Утро, Ухожу, Учеба, Уязвимость, Хроническая, Человек, Чердак, Чёрная кошка, Чувства</p>
ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ	<p>Человек 19, Больница 14, Психбольница 11, Смирительная рубашка 10, Пациент 8, Псих 8, Помощь 5, Крик 4, Психиатрия 4, - 3, Палата 3, Психиатр 3, Сочувствие 3, Страх 3, Бедный 2, Грусть 2, Друг 2, Изгой 2, Интернат 2, Лечение 2, Несчастный 3, Нуждающийся 2, Слезы 2, Сожаление 2, Травма 2, Я 2, Белые стены, Белый, Белый халат, Белый цвет, Болезнь, Боль, Больной человек, Буерак, Буйный, Булгаков, Бывает, Все, Гебри Морган, Госпиталь, Делириум, Джинсы, Диспансер, Другой, Жалко, Жалость, Желтый, Жутко, Закрытый, Здоровый, Истерия, Каждый, Клетка, Клиника, Красный, Кровать, Липкий, Лысый, Мальчик, Менталка, Милена, Милосердие, Мир, Мятаж, Непонимание, Нуждающийся в помощи, Обман, Обычный, Опасность, Опасный, Оскорбление, Отвергнутый, Отчаяние, ПНД, Помянем, Потерянность, Привыкший, Проблема, Протянуть руку помощи, Психически, Психолог, Разбитое стекло, Расстройство, Рубашка, Сердце, Серилал, Скорманный, Спасает, Стационар, Стены, Стигма, Сторониться, Страдалец, Страдание, Странный, Страшный, Сумасшедший, Сумасшедший дом, Таблетки, Тонко, Тот, кому надо помочь, Тяжесть, Усталость, Фильмы, Чердак, Чехов, Шиза, Эрен, Ярлык</p>
ИМПУЛЬСИВНОСТЬ	<p>Агрессия 15, Покупка 7, Порыв 6, Резкость 6, - 5, Гнев 5, Движение 5, Вспыльчивость 4, Действие 4, Злость 4, Резко 4, Эмоции 4, Активность 3, Бег 3, Красный 3, Проблема 3, Быстро 2, Быстрота 2, Деньги 2, Компulsiveвность 2, Крик 2, Могила 2, Пульс 2, Реакция 2, Решение 2, Скорость 2, Спокойствие 2, Удар 2, Характер 2, Холерик 2, Частая 2, Я 2, Ярость 2, Адреналин, Алый, Аффект, Беспорядочность, Боль, Бьётся, В себе, Вечная, Вдох, Взрыв, Временная радость, Всегда, Вслесек, Выверенность, Глисты, Громкий, Громкий голос, Драка, Еда, Забывчивость, Заряд, Зигзаг, Игрушки, Инфантилизм, Контроль, Краснота, Красный цвет, Кулаки, Лен, Манипулирование, Мания, Мать, Мешает, Набережная, Наивность, Накал эмоций, Необдуманность, Нервы, Обдуманность, Огонь, Опрометчивость, Отторжение, Паника, Передание, Пик, Побег, Поездка, Полная, Порез, Порок, Порывистость, Поступок, Привычка, Призыв, Проекты, Разговор, Раздражение, Расстройство, Резкий, Рутин, Рывок, Сдвиг, Сегодня, Сила, Скрывает, Слабость, Сожаление, Срочно, Стекло, Страх, Стрелка, Тансор, Творчество, Темп, Тормоз, Убивает, Удар в стену, Цель, Человек, Школа, Эмоциональность, Эмоциональный, Энергия</p>

Стимулы	Реакции
МЕЛАНХОЛИЯ	<p>Грусть 18, Печаль 10, Музыка 9, - 8, Серость 6, Тоска 5, Фильм 5, Задумчивость 4, Аниме 3, Апатия 3, Депрессия 3, Дождь 3, Зелёный 3, Уныние 3, Брэдбери 2, Голубой 2, Кровать 2, Медленно 2, Одиночество 2, Песня 2, Серый 2, Синяя 2, Слабость 2, Слёзы 2, Спокойствие 2, Стихи 2, Триер 2, Усталость 2, Аура, Бараш, Бархат, Безделье, Белый, Болото, Бродский, Вакханалия, Веточка дерева, Вздох, Виктор Цой, Вода, Гангрена, Гитара, Горе, Горизонт, Группа ma! ma!!, Грустно, Джармуш, Долгая, Дюрер, Звучание, Зима, Книга, Красивая, Ларс фон Триер, Легкомысленность, Личность, Малахит, Махровый, Меланхолик, Молоко, Неизлечимость, Неплохо, Нервы, Nirvana, Осень, Остановка, Отчаяние, Отчуждение, Пауза, Петух, Планета, Плач, Подавленность, Поэт сочиняет, Прострация, Равнодушие, Раздражает, Разочарованность, Ригидный, Романтика, Романтичность, Сангвиник, Сбой, Свет, Светлоглубой цвет, Связывает, Сеть, Сирень, Скорбь, Скука, Сон, Сонливость, Стакан, Стихотворение, Стресс, Тая, Темперамент, Тетрадь, Тихая мелодия клавишного инструмента, Тревога, Туман, Тяжело, Учёный, Хандра, Цветение, Цветы, Шелк, Шляпа, Эмоции, Я, Якорь</p>
НЕВРОЗ	<p>Тревога 10, Дрожь 8, - 7, Нервы 5, Ногти 7, Диагноз 6, Тик 6, Болезнь 5, Расстройство 5, Тряска 5, Врач 4, Лечение 3, Психоз 3, Руки 3, Слёзы 3, Стресс 3, Трemor 3, Чесотка 3, Артроз 2, Боль 2, Больница 2, Движение 2, Лечится 2, Мигрень 2, Некроз 2, Озноб 2, Переживание 2, Психиатр 2, Склероз 2, Состояние 2, Страх 2, Таблетки 2, Травма 2, Частый 2, Беспокойство, Варикоз, Вибрация, Волнение, Волосы, Где-то, Глубокая вода, Грандаксин, Грызть пальцы, Девушка, Депрессия, Дёрганность, Дети, Долгий, Дрожание пальцы, Ёрзание зубами, Зацикленность, Зигзаг, Злость, Зуд, Иголки, Истерика, Клиника, Кожные заболевания, Колочки, Контроль, Кусается, Лечить, Лихорадка, Ломка, Мозг, Навязчивость, Навязчивых состояний, Напряжение, Наркоз, Нарушение, Невзоров, Невролог, Невротик, Недостаточность, Ненужное, Нервный, Нервный тик, Нога, Норма, Обидно, Окно, Остеохондроз, Острый, От матери, Подруга, Покусанные губы, Постукивание, Потеря, Проблемы, Противный, Психика, Психический срыв, Психоанализ, Раздражение, Раздражительность, Разлом, Сердце, Серый, Сжатые кулаки, Сложность, Старость, Стук, Суета, Тревожность, Трелет, Ужас, Фрейд, Человек, Чешется, Щёлканье</p>
ПОДАВЛЕННОСТЬ	<p>Апатия 14, Грусть 13, Тяжесть 10, Усталость 9, Уныние 7, Давление 6, - 5, Груз 5, Депрессия 4, Расстройство 4, Сон 4, Состояние 4, Тревожность 4, Отчаяние 3, Пюре 3, Серый 3, Угнетение 3, Эмоция 3, Голова 2, Камень 2, Кровать 2, Одеять 2, Одиночество 2, Пресс 2, Пустота 2, Тоска 2, Тяжело 2, Упадок 2, Беспомощность, Бессилие, Бетонная плита, Бетономешалка, Блин, Боль, Бордовый, Бывает, Вечерняя, Внутри, Воодушевление, Воодушевленность, Всегда, Выгорание, Диван, Долг, Зажиматься, Замкнуться, Изнеможённость, Как лимон, Картофель, Кирпич, Кирпич на груди, Клубок, Лепёшка, Лопата, Мигрень, Надоела, Настроение, Нет аппетита, Нет сил, Неудача, Нога, Ночь, Обрушение, Осознанность, От произошедшего, Отрешённость, Ощущение, Падение, Печаль, Плач, Плохо, Подушка, Полено, Помидор, Поникший, Постоянно, Постоянство, Прикрытые глаза, Проблема, Промах, Псих, Работа, Радость, Раздражение, Разочарование, Родители, Сгорбившийся человек, Сгорбленная спина, Сдавленность, Сессия, Сидение, Сильная, Скукота, Слабость, Слёзы, Сложно, Смерть, Спазм, Стол, Страх, Стресс, Стыд, Таяя вода, Тишина, Тревога, Туман, Угнетает, Угрюмость, Упадок сил, Утренняя, Цветочек, Чувствуется, Эмоциональная, Я</p>

**Психиатрическая терминология во внутреннем лексиконе носителей языка
(на материале ассоциативного эксперимента)**

Стимулы	Реакции
ТОСКА	<p>Печаль 24, Грусть 16, По дому 12, Серый 7, Зелёная 6, Одиночество 6, Уныние 6, Голубая 5, Серость 5, Россия 4, Боль 3, Окно 3, Скучать 3, Темный 3, - 2, Вечная 2, Вой 2, Горе 2, Дождь 2, Нехватка 2, Скука 2, Тлен 2, Точка 2, Тягучее 2, Эмоция 2, Апатия, Безграничная, Безысходность, Бесконечная, Больная, Бывает, Вечер, Глубина, Гнетущая, Голубой, Гремучая, Дерзость, Долго, Любовная, Мозг, Музыка, Муторная, Надоела, Накатывает, Нити, Нога, Ночь, Обида, Ожидание, Озеро, Отчаяние, Плесень, Плохо, По родному человеку, Поглощающая, Подушка, Понимание, Потеря, Радость, Разлука, Ребячество, Ровное, Русская, Сердце, Серое окно, Сжирает, Синий, Слабая, Смертная, Смерть, Собака, Сон, Сонливость, Сплин, Стихи, Стихотворение, Страх, Телевизионный шум, Телефон, Темнота, Тёмно-голубой, Томящая, Тонущая, Треска, Трясина, Тягучесть, Тянет в груди, Угнетение, Февраль, Холод, Хтонь, Ящик, Sorry</p>
ТРАВМА	<p>Боль 31, Перелом 24, Детство 13, Колено 10, Нога 10, Детская 8, Гипс 7, Психологическая 5, Больно 4, Рука 3, Абыюз 2, Душевная 2, Кровь 2, Лёд 2, Мама 2, Насилие 2, Острая 2, Ранение 2, Ссадина 2, Трава 2, Травмпункт 2, Тяжелая 2, Бинт, Больница, Бытовая, В соседнем районе, Вывих, Голод, Горе, Горечь, Депрессия, Дюла, Жаль, Исцеление, Корочка от болячки, Костыль, Кость, Красный, Ломать, Ментальная, Методика, Мозг, Моральная, Моя, На всю жизнь, Ожог, Опасно, Опыт, Освобождение, Открытый перелом кости, Очки, Палец, Переживание, Перелом руки, Пластырь, Прошлое, Психика, Психический, Психотравма, ПТСР, Ранить, Рвать, Рёбра, Родители, Семья, Серьёзная, Сильная, Симбиоз, Синяк, Слезы, Слом, Слом. нога, Смерть, Событие, Соматика, Стекло, Стул, Сустав, Триггер, Удар, Утро, Физическая, Эмоциональная</p>
ТРЕВОЖНОСТЬ	<p>Страх 31, Паника 16, Расстройство 10, Дрожь 6, Стресс 6, Сильная 4, Сон 4, Беспокойство 3, Депрессия 3, Жизнь 3, Нервы 3, Сердцебиение 3, Симптом 3, Творог 3, Я 3, Атака 2, Бессонница 2, Волнение 2, Грусть 2, Знакома 2, Повышенная 2, Постоянность 2, Спокойствие 2, Таблетка 2, Тряска 2, -, Аннексия, Антидепрессанты, Апатия, Бегающие глаза, Безвыходная, Безвыходность, Бесит, Боль, Боль в грудной клетке, Больная, Боязнь, Будни, Вечное напряжение, Взбодрённый, Вибрация, Волна, Высокая, Вышла, Грудь, Да, Дочь, Ежик, Живот, Заросли, Земля, Злость, Зуд, Избегать, Излишняя, Имеется, Индивидуальная, Карусель, Крик, Магазин, Метро, Моя, Мучает, Навязчивая, Напряжение, Напряжённость, Нарастающая, Незвестность, Непрекращающаяся, Ноги, Ногти, Норма, Обморок, Ожидание, Озноб, Окно, Опасность, Паранойя, Пассивность, Пиджак, Плохо, Повседневность, Постоянная, Пот, Принятие, Психиатр, Психотерапевт, Пустота, Раздвоение, Растёт, Саша, Серосиний, Серый, Скребется, Слезы, Социальная, Социофобия, Социум, Стиль жизни, Сырок, Творожный, Тошнота, Тремор в руках, Уколы, Уровень, Успокоение, Утопия, Характер, Холод, Царапины, Чувство, Экзамен, Это же слово на англ</p>

Стимулы	Реакции
ФРУСТРАЦИЯ	- 16, Апатия 10, Потерянность 8, Прокрастинация 6, Пустота 6, Прострация 5, Разочарование 5, Потребность 3, Усталость 3, Боль 2, Лень 2, Недостаток 2, Нехватка 2, Ничего 2, Покой 2, Работа 2, Серый 2, Ступор 2, Цель 2, Агрессия, Анабиоз, Анализ, Антипатия, Безделье, Бесит, Беспомощность, Бессилие, Боль и тоска, Ведение, Вечер, Взрыв, Вращающийся круг, Второе я, Гнев, Далеко, Дел, Депривация, Диплом, Думать, Еда, Желание, Жизнь, Зависание, Заминка, Запутанность, Застой, Застревание, Зрачок, Зыбко, Изоляция, Кладовая, Комплекс, Красный, Кривлянье, Лежать, Мост, Мультик, Мультфильм, Мучение, Напряжение, Настигает, Не могу, Невозможно, Невозможно удовлетворить, Негатив, Недоумение, Неопределенность, Неподвижность, Непонимание, Несбыточное, Неточная, Ни то ни сё, Ничегонеделание, Обида, Обычно, Окно, Отдых, Отстраняться, Отчаяние, Оценки, Переживание, Переосмысление, Побег, Постоянный, Потемнение, Потеря, Потеряться, Потусторонний, Пресбывать, Препятствие, Психология, Пустой взгляд, Раздражение, Разные, Рассеянность, Расстроенный, Расстройство, Самокопание, Сеть, Сидеть, Сильная, Слезы, Сложно, Слони, Смотреть, Сожаление, Сомнения, Сон, Стол, Страх, Стул, Таблетки, Травма, Тревожность, Тусклость, Тягучесть, Тяжко, Ужас, Утомление, Фантазия, Фрукт, Шок, Эмоция, Юбилей, Ярость, Ясность
ЭМОЦИЯ	Радость 58, Грусть 19, Улыбка 15, Смех 9, Гнев 8, Страх 7, Чувство 7, Смайлик 5, Злость 4, Яркая 4, Бремя 3, Лицо 3, Слезы 3, Счастье 3, Негативная 2, Печаль 2, Плач 2, Реакция 2, Сильная 2, Цвет 2, Эмоджи 2, Агрессия, Бесчувствие, Больно, Бурная, Весело, Вихрь, Волна, Вредная, Горе, Грустная, День, Импульсивность, Книжка, Контроль, Красный, Крик, Лик, Любовь, Маска, Мимика, Негатив, Нестабильность, Отклик, Отрицательная, Отчаяние, Пирамида, Плохая, Поганая, Положительная, Ребенок, Ревность, Скрывать, Слово, Сложность, Смешанная, Сожаление, Сон, Спектр, Страсть, Тело, Теплота, Тоска, Тревога, Тяжесть, Удивление, Улыбается, Фиолетовая, Цветы, Ярость

В итоге были получены списки ассоциаций (ассоциативные поля) для каждого из 14 слов-стимулов (табл. 1). Полученные списки сочетают стимульное слово, ассоциации с индексами частот форм, сведенных к данной лемме (гиперлексема). Леммы не обязательно должны быть представлены в исходной грамматической форме (им. пад., ед. ч. сущ.; им. пад., ед. ч., м. р. прил.; инфинитив глагола). Словоформы были сведены к наиболее частотной реакции из общего числа зарегистрированных форм данной леммы. Например, среди реакций на стимул АНТИДЕПРЕССАНТЫ были реакции *Таблетки* (61 раз), *Таблетка* (2 раза). В итоге в список была включена реакция *Таблетки* с частотным индексом (63).

В ответах испытуемых встречалось небольшое количество описок и ошибок (например, «Компульсивност», «Не щнакомое слово», «Стрес» и т.п.). В списки ассоциаций данные реакции были включены в нормативной грамматической форме (*Компульсивность*, *Незнакомое слово*, *Стресс*).

Иногда среди реакций попадались сокращения (например, *Хим. элемент*). В этих случаях сохранялось оригинальное написание.

Отсутствие реакции (обозначается «-») в списках ассоциаций также приводится со своим индексом частоты, например: ДЕЛИРИЙ – «-» (24).

Некоторые реакции вызывали затруднения в процессе лемматизации. На стимул ДЕПРЕССИЯ была получена единичная реакция «*Пресс Эф*». Реакция также была оставлена в оригинальном написании.

Обсуждение результатов

Ассоциативный эксперимент благодаря спонтанности и случайности выдаваемых реакций порождает статистически достоверные ассоциативные поля, специфические для однородной группы испытуемых.

Среди ассоциатов встретились иноязычные и/или заимствованные слова, отсылки к феноменам массовой культуры, имена собственные, жаргонизмы. Были выявлены примеры иноязычных слов (ТРЕВОЖНОСТЬ – *anxiety*, ТОСКА – *sorrow*), сленга (ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ – *шиза*, АНТИДЕПРЕССАНТЫ – *колёса*), имен собственных (ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ – *Чехов*). Некоторые респонденты давали реакции-словосочетания (ФРУСТРАЦИЯ – *размытый фон*; НЕВРОЗ – *кусать ногти*; АНТИДЕПРЕССАНТЫ – *блистер с таблетками*; МЕЛАНХОЛИЯ – *тихая мелодия клавишного инструмента*), аббревиатуры (ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ – ПНД <психоневрологический диспансер>; ТРАВМА – ПТСР <Посттравматическое стрессовое расстройство>).

Примеры

ДЕПРЕССИЯ – *селфхарм* (селфхарм – от self-harm – преднамеренное повреждение своего тела по внутренним причинам без суицидальных намерений) или *пресс Эф* («Press F to pay respects» – это интернет-мем, возникший благодаря игре *Call of Duty*. Реакция *помянем* на слово-стимул ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ, вероятно, связана с другой мем-фразой, популярной среди молодежи: мем «*помянем*» используется, когда человек хочет сделать какое-либо действие,

явно влекущее негативное последствие (является вариацией мема «Press F to pay respect»).

Имена собственные, данные в качестве ассоциаций, составляли относительно небольшую долю реакций. Больше всего имен собственных вызвало слово МЕЛАНХОЛИЯ (*Джармуш, Ларс фон Триер, Бараиш, Бродский, Виктор Цой*).

Джим *Джармуш* – американский режиссер, представитель независимого кинематографа. Ассоциация с *Ларсом фон Триером*, скорее всего, связана с его фильмом «Меланхолия» (2011). Образ поэта всегда ассоциировался с задумчивостью, отрешенностью и меланхолией, поэтому среди полученных реакций мы находим имена *Иосифа Бродского* и *Виктора Цоя*, а также имя меланхолического персонажа мультсериала «Смешарики» *Бараиша*. Он изображен поэтом, постоянно находящимся в творческом кризисе и пытающимся найти выход из него (употребление сердечных капель из шишек, побег на необитаемый остров). Реакция «*Группа Мари! Мари!*» связана с российской инди-рок группой, основанной во Владивостоке в 2008 г. В репертуаре присутствует композиция «Меланхолия», вероятно, послужившая источником ассоциации.

Среди реакций на слово-стимул ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ – *Чехов, Эрен, Буерак* и *Булгаков*.

В своих произведениях доктор Чехов часто обращался к медицинской теме и теме психиатрии. В письме Е.М. Шавровой-Юст А.П. Чехов писал: «Я скоро начну писать юмористические рассказы, ибо весь мой психопатологический репертуар уже исчерпан». Вероятно, полученная ассоциация связана с повестью «Палата № 6», рассказами «Чёрный монах», «Скучная история», где действуют персонажи, страдающие психическими расстройствами. Ассоциация «*Эрен*» на стимул ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ связана с характером персонажа. Эрен Йегер – главный герой манги (манга – японский комикс) «Атака титанов», созданной Хадзиме Исаемой. По мотивам манги был снят аниме-сериал (аниме – японская анимация). Эрен Йегер – жертва тяжелой судьбы, ставший неуправляемым, кровожадным и безумным. Таким он изображен и в сериале, и в комиксе. «*Буерак*» – популярный в молодежной среде музыкальный коллектив новой русской волны. Творчество группы посвящено темам алкоголизма и безысходности. Реакция «*Булгаков*», возможно, связана с темой психических расстройств в произведе-

ниях русского писателя Михаила Булгакова («Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Морфий» и др.).

Стимул НЕВРОЗ вызвал ассоциацию с именем австрийского психоаналитика Зигмунда Фрейда. Невроз был описан в психоанализе как обоснование глубинного психологического конфликта.

Стимул ТОСКА вызвал ассоциации *Россия* (4), *русская* (1).

На ряд стимулов были даны **реакции-цветообозначения**. В ситуации эксперимента, когда от испытуемых требовалось записать первую (спонтанную) реакцию, эмоции преобладали над рациональным мышлением.

Чаще всего встречается реакция «серый» (на слова-стимулы АПАТИЯ, ДЕПРЕССИЯ, МЕЛАНХОЛИЯ, НЕВРОЗ, ПОДАВЛЕННОСТЬ, ТОСКА, ТРЕВОЖНОСТЬ и ФРУСТРАЦИЯ). Серый цвет ассоциируется во многих культурах с будничностью, безысходностью, тоской, а также с эмоциональным истощением, характерным для некоторых психических расстройств.

Реакция «красный» была дана на стимулы ИМПУЛЬСИВНОСТЬ, ЭМОЦИЯ и ТРАВМА. Среди основных коннотаций красного цвета выделяют страсть, тревожность, нестабильность, опасность и боль.

Среди реакций также присутствуют прилагательные, обозначающие различные оттенки синего цвета. На стимулы ДЕПРЕССИЯ, МЕЛАНХОЛИЯ, ТОСКА, ТРЕВОЖНОСТЬ были даны реакции «темно-синий», «голубой», «синий», «светло-голубой», «темно-голубой», «серо-синий». Синий и голубой цвета имеют множество трактовок, им соответствуют (по принципу синестезии), с одной стороны, покой, а с другой – неустойчивость, грусть и печаль (ср. *англ.* «blues» – депрессия, хандра, меланхолия, а также – цветообозначение).

На слово-стимул ДЕПРЕССИЯ получена реакция «черный» (11). Этот цвет ассоциируется с трауром, печалью, негативными переживаниями. Человек погружается в состояние грусти и отсутствия мотивации.

Белый цвет ассоциируется с чистотой, невинностью, стерильностью, больницей. Этим объясняется реакция «белый» на стимул ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ (а также «белый халат», «больница», «палата»). Другая цветовая реакция на данный стимул – «желтый» – связана со словосочетанием «желтый дом» – «прозвищем»

психиатрических лечебниц, восходящим к «желтому дому» в Санкт-Петербурге. Фасад Обуховской больницы на набережной реки Фонтанки, 24 (одной из первых психиатрических больниц, «дома призрения для умалишенных» с 1780 г.) действительно был выкрашен в грязно-желтый цвет.

Наконец, на стимул ТОСКА была дана реакция «зеленый». Устойчивое словосочетание «тоска зеленая» употребляется для обозначения невыносимой скуки или выражения гнетущего тягостного чувства.

Подобные реакции часто связаны не столько с личными цветовыми ассоциациями (ЭМОЦИЯ – *фиолетовый*), сколько с устойчивыми стереотипами и речевыми клише.

Помимо более или менее осмысленных реакций испытуемые давали на ряд стимулов **ассоциации фонетические** (по созвучию, аллитерации, рифме), ассоциации по внутренней форме слова, словообразовательной структуре. Поиск семантических опор, основанных на созвучии с известными испытуемому словами, может приводить к неверным толкованиям. «За всеми ассоциациями стоят бытовые представления носителя языка, личный опыт, собственные выводы... Именно для этой модели особенно характерны высокая степень субъективности и вариативность интерпретаций» [Обыденное ... , 2012, с. 133]. Приведем примеры ассоциаций, выданных по этой модели: АПАТИЯ – *эль патио*; ДЕЛИРИЙ – *химический элемент* (7), *Деливери Клуб* (3), *дельфин* (2), *алюминий, бериллий, Валерий, Делориан, таблица Менделеева, Delete*; ДЕПРЕССИЯ – *дисперсия, профессия*; ИМПУЛЬСИВНОСТЬ – *пульс* (2); МЕЛАНХОЛИЯ – *малахит*; НЕВРОЗ – *психоз* (3), *артроз* (2), *некрот* (2), *склероз* (2), *варикоз, наркоз, остеохондроз, Невзоров* (!); ПОДАВЛЕННОСТЬ – *тюре* (3), *пресс* (2), *бетонная плита, бетономешалка, блин, диван, как лимон, лепешка, картофель, помидор*; ТОСКА – *треска*; ТРАВМА – *трава* (2); ТРЕВОЖНОСТЬ – *творог* (3), *сырок, творожный*; ФРУСТРАЦИЯ – *фрукт*.

Количественный и качественный анализ ассоциативных полей дан в табл. 2, где приведены параметры распределений (слова-стимулы расположены в порядке убывания числа отказов от реагирования). В таблице (а также на графиках, построенных по ее данным, на рис. 1–4) даны распределения ассоциативных полей слов-стимулов по частоте главного ответа, по параметрам «ин-

вентарь реакций», «число уникальных реакций» и «число отказов от реагирования».

Таблица 2

Параметры распределений
(слова-стимулы расположены в порядке убывания
числа отказов от реагирования)

Слово-стимул	Самая частая реакция (F ₁)	F ₁	L	m ₁	<->
ДЕЛИРИЙ	Что это?	25	104	85	24
ФРУСТРАЦИЯ	Апатия	10	125	107	16
МЕЛАНХОЛИЯ	Грусть	18	110	83	8
НЕВРОЗ	Тревога	10	109	76	7
ДЕПРЕССИЯ	Боль	13	118	89	5
ИМПУЛЬСИВНОСТЬ	Агрессия	15	115	83	5
ПОДАВЛЕННОСТЬ	Апатия	14	113	86	5
ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ	Человек	19	108	84	3
АНТИДЕПРЕССАНТЫ	Таблетки	63	70	48	2
АПАТИЯ	Депрессия	18	113	84	2
ТОСКА	Печаль	24	92	68	2
ТРЕВОЖНОСТЬ	Страх	31	112	87	1
ТРАВМА	Боль	31	84	62	0
ЭМОЦИЯ	Радость	58	70	49	0

F₁ – частота самого распространенного ответа (primary). По этому параметру можно судить о степени связности стимула и главной реакции, об иерархии стимулов по степени популярности primary, об относительном весе главного ассоциата в ассоциативном поле стимула.

L – ассортимент, или инвентарь, ассоциатов (availability), общее число различающихся лемматизированных реакций на данный стимул. По этому параметру можно определить, какие стимулы вызывают больший или меньший спектр ассоциаций, какова доля «словаря ассоциаций» в ассоциативном поле, или обратная ей величина – стереотипность реакций или средняя частота.

m_1 – количество уникальных, неповторяющихся ответов на данный стимул. По этому параметру судят о степени гетерогенности реакций, о доле уникальных ассоциаций в ассоциативном поле.

«-» – число отказов от ответа на данный стимул. Этот параметр отражает степень «непонятности» стимула и, как правило, коррелирует с долей неверных истолкований и фонетических ассоциаций.

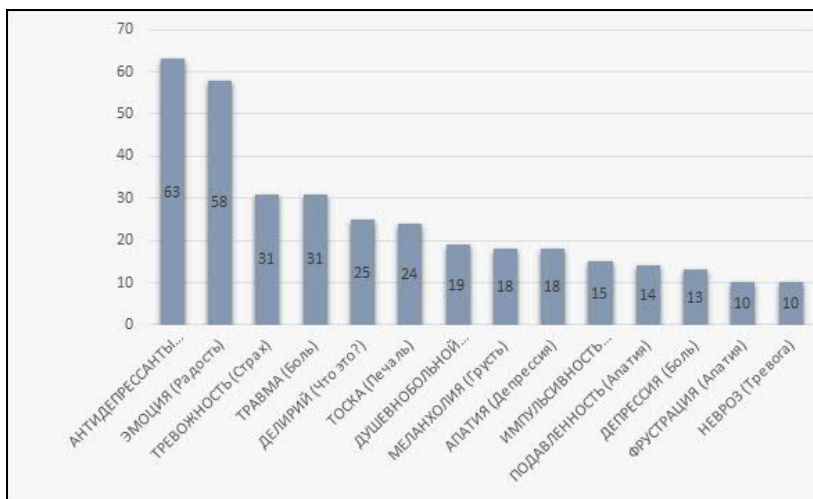

Рис. 1. Распределение ассоциативных полей слов-стимулов по частоте F₁ главного ответа (primary)

Распределение стимулов по частоте главного ответа позволяет увидеть, какие слова-стимулы вызвали наиболее частую (консолидированную) ассоциацию в группе и какие ассоциации стали самыми «популярными». Так, наибольшую частоту главного ответа вызвал стимул АНТИДЕПРЕССАНТЫ. Самой частой реакцией на этот стимул стало слово *таблетки* (63). На втором месте – стимул ЭМОЦИЯ с реакцией *радость* (58). Замыкают распределение стимулы ФРУСТРАЦИЯ – *апатия* (10) и НЕВРОЗ – *тревога* (10).

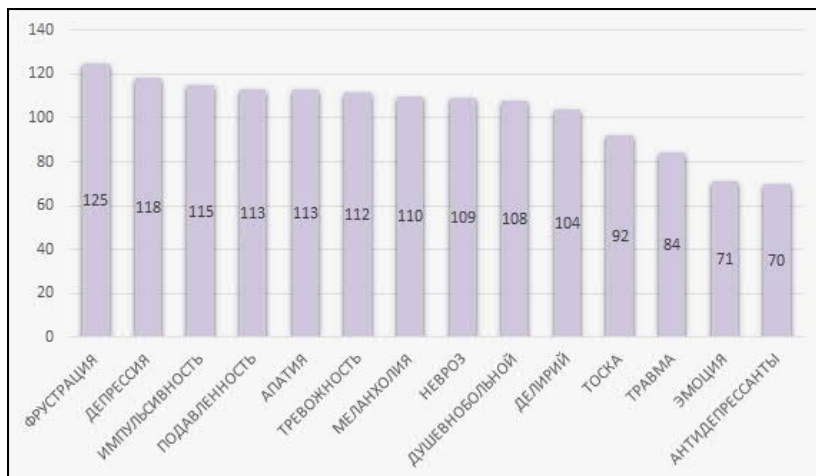

Рис. 2. Распределение стимулов по параметру
«инвентарь реакций» L

С помощью распределения «Инвентарь реакций» можно определить, сколько разных ассоциатов вызвал каждый стимул. Самый большой инвентарь реакций получил стимул ФРУСТРАЦИЯ – 125. Наименьший инвентарь реакций мы наблюдаем у стимулов ТРАВМА – 84, ЭМОЦИЯ – 71, АНТИДЕПРЕССАНТЫ – 70.

Распределение по количеству однократных ответов (коррелирующее с инвентарем реакций) демонстрирует, сколько уникальных реакций дали испытуемые на тот или иной стимул. Больше всего уникальных реакций вызвал стимул ФРУСТРАЦИЯ – 107. Самым скудным набором уникальных реакций обладают ассоциативные поля стимулов ТРАВМА – 62, ЭМОЦИЯ – 49 и АНТИДЕПРЕССАНТЫ – 48.

Распределение по числу отказов от реагирования (прочерк) показывает, какие стимулы вызывали наибольшие (или наименьшие) затруднения в поисках ассоциата у испытуемых. Особенно трудными для понимания (получившими максимум отказов) оказались стимулы ДЕЛИРИЙ (24 отказа) и ФРУСТРАЦИЯ (16 отказов).

Стимулы ТРАВМА и ЭМОЦИЯ оказались наиболее понятными: никто не дал реакцию – отказ.

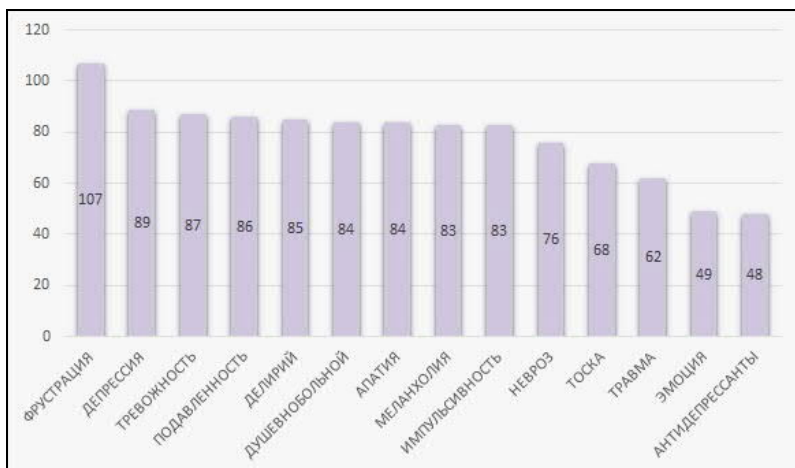

Рис. 3. Распределение стимулов по параметру «число уникальных реакций» m_1

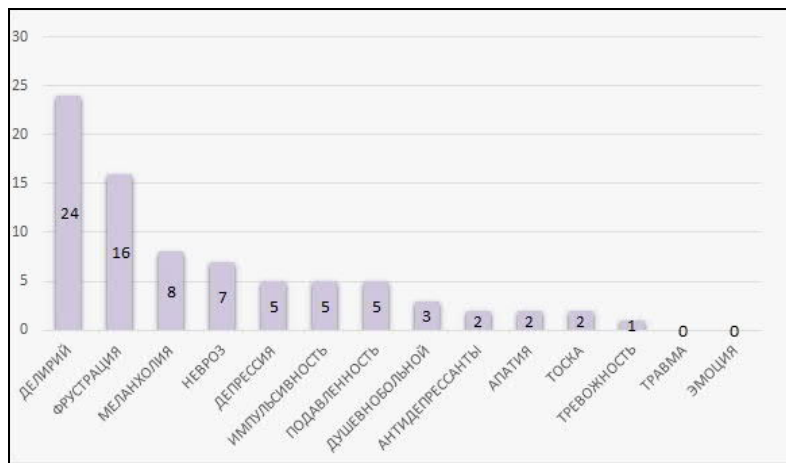

Рис. 4. Распределение стимулов по параметру «число отказов от реагирования» («») m_2

Таблица 3

Интегральное ассоциативное поле (ИАП) 14 слов-стимулов
(с указанием частоты F_s и распространенности C_s
гиперлексем-ассоциатов).

Расположение по убыванию суммарной частоты F_s

№	Гиперлексема-ассоциат	F_s	C_s	В том числе другие ассоциаты (частота / распространенность)
1	Грусть	92	12	Грустно 4/3, Грустная
2	Таблетки	72	7	Таблетка 2/1
3	Боль	61	14	Больно, Боль и тоска, Боль в грудной клетке
4	Страх	60	13	Страшно 2/1, Страшный
5	Печаль	45	6	
6	Серый	39	13	Серость 14/3, Серая, Серо-синий, Серое окно
7	Больница	35	7	Психбольница 11/1
8	Апатия	34	6	
9	Депрессия	33	7	
10	Слёзы	28	9	
11	Сон	27	11	Сонливость 2/1
12	Расстройство	26	8	
13	Усталость	25	6	
14	Тяжесть	22	10	Тяжело 3/2, Тяжелая 3/2, Тяжелые, Тяжко
15	Болезнь	22	5	
16	Человек	22	4	
17	Детство	22	3	Детская, Дети
18	Помощь	21	5	Помогают 2/1, Протянуть руку помощи, Тот, кому надо помочь
19	Псих	21	5	Психоз 3/1, Психический 4/4, Психический срыв, Психотравма
20	Пустота	20	8	Пусто, Пустой взгляд
21	Тревога	20	8	Тревожность 6/3, Тревожный знак
22	Уныние	19	6	Унылая
23	Эмоция	18	10	Эмоциональный, Эмоциональность, Эмоджи, Накал эмоций
24	Психиатр	17	10	Психиатрия 5/2, Психотерапевт 2/1, Психоанализ
25	Я	15	8	
26	Лечение	15	7	Лечится 3/2, Лечить
27	Дрожь	15	3	Дрожащие пальцы
28	Темнота	14	8	Темный 3/1, Темно-синий 3/2, Тьма
29	Гнев	14	3	
30	Чёрный	14	3	Чёрные деревья, Чёрная кошка

№	Гиперлексема-ассоциат	F _s	C _s	В том числе другие ассоциаты (частота / распространенность)
31	Горе	12	9	Горечь 3/2, Горькое 2/1, Горесть,
32	Нервы	12	6	Нервный, Нервный тик
33	Чувство	12	5	Чувствуется
34	Стресс	12	5	
35	Одиночество	12	4	
36	Отчаяние	11	8	
37	Постоянная	10	7	Постоянство
38	Смерть	10	6	Смертная
39	Тоска	10	5	
40	Давление	10	4	Сдавленность, Подавленность
41	Злость	10	4	
42	Зелёная	10	3	Зелёный
43	Слабость	9	7	
44	Жалость	9	6	Жалко, Жаль, Сожаление 3/3
45	Красный	9	5	Краснота, Красный цвет
46	Крик	9	5	
47	Кровать	9	5	
48	Сильная	9	5	
49	Состояние	9	4	
50	Диагноз	9	3	

В табл. 3 приведено распределение гиперлексем-ассоциатов для интегрального ассоциативного поля (ИАП) 14 слов-стимулов, отобранных для исследования (с указанием частоты и распространенности гиперлексем-ассоциатов). ИАП представляет собой объединенный частотный словарь *всех* ассоциатов, полученных на 14 слов-стимулов, и включает все полученные в эксперименте единицы, сведенные в гиперлексеми, с указанием их суммарной частоты F_s (число одинаковых ассоциатов в 14 полях) и распространенности C_s (число стимулов, вызвавших эти ассоциаты). В таблице приведены данные для гиперлексем с суммарной частотой не ниже девяти и распространенностью не ниже трех. ИАП в табл. 3 включает 50 гиперлексем, расположенных в порядке убывания суммарной частоты F_s. Это единицы, входящие в приядерную зону внутреннего лексикона однородной группы испытуемых, которые в наибольшей степени характеризуют выделенное семантическое поле.

Первые 15 единиц интегрального ассоциативного поля (ИАП) (по параметру суммарной частоты F_s) следующие: **грусть (92/12)**, **таблетки (72/7)**, **боль (61/14)**, **страх (60/13)**, **печаль (45/6)**, **серый (39/13)**, **больница (35/7)**, **апатия (34/6)**, **депрессия (33/7)**, **слё-**

зы (28/9), сон (27/11), расстройство (26/8), усталость (25/6), тяжесть (22/10), болезнь (22/5). Выделенные жирным шрифтом девять единиц и составляют ядро внутреннего лексикона исследуемой семантической сферы.

Заключение

Большинство респондентов продемонстрировали понимание базовых терминов из области психиатрии и психологии. Несмотря на трудности в интерпретации некоторых слов-стимулов (ДЕЛИРИЙ, ФРУСТРАЦИЯ), результаты показали, что молодые люди имеют ясное представление о психических состояниях и диагнозах, представленных в эксперименте в качестве стимулов. Ответы не ограничивались эмоциональными реакциями, некоторые респонденты демонстрировали обширные знания в данной области: среди реакций – сопутствующие симптомы, состояния, диагнозы, названия препаратов, применяющихся для лечения психических расстройств.

Ассоциации, полученные в эксперименте, отражают мета-языковую рефлексию информантов, картину мира, формируемую популяризацией психологии и психиатрии в СМИ и социальных сетях. Забота о здоровье, в том числе и психическом, становится популярной, входит в моду. В ассоциативных полях прослеживается осведомленность молодых людей о психических расстройствах и эмоциональных нарушениях, методах лечения (психотерапия, медикаментозная терапия). Многие ассоциации демонстрируют понимание темы психических нарушений, сочувствие по отношению к людям, страдающим психическими расстройствами, низкую степень стигматизации душевных недугов и серьезное отношение к данной теме. В сознании молодых людей психиатрия не является чем-то пугающим и отталкивающим. Они принимают существование психических расстройств и осознают, что они излечимы.

Дальнейшее изучение семантизации медицинских терминов (в частности, терминов психологии и психиатрии) рядовыми носителями языка имеет большую теоретическую и практическую значимость [Голев, 2010], поскольку его результаты не только позволят выявить особенности языкового сознания студентов, но и углубить их знания.

Список литературы

- Бедина В.Ю. Социально-психологические детерминанты интереса к психологии у молодежи // Гаудеамус. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 88–94.
- Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
- Вайсман Б. Психиатрия – предательство, не знающее границ. – Москва : АНВИК К., 2002. – 383 с.
- Голев Н.Д. Общий очерк концепции в «Словаре обыденных толкований русских слов» // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. III. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т. – 2010. – С. 205–218.
- Долинский В.А. Ассоциативные отношения: междисциплинарный подход // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2013. – № 13(679). – С. 30–58.
- Долинский В.А. Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. – 436 с.
- Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. – Москва : Директ-Медиа, 2013. – 240 с.
- Залевская А.А. О междисциплинарном потенциале научного термина // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3(41). – С. 14–22.
- Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – Москва : Изд. Московского университета, 1977. – С. 3–16.
- Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. IV. / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2012. – 482 с.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – Москва : Искусство, 1976. – 614 с.
- Справочник Видаль. Лекарственные препараты в России / под ред. Е.А. Толмачевой. – Москва : Видаль Рус, 2022. – 1120 с.
- Хаслер Ф. Нейромифология. Что мы действительно знаем о мозге и чего мы не знаем о нем. – Москва : АСТ, 2022. – 320 с.
- Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. – Москва : Изд-во РУДН, 2004. – 256 с.
- Depression // WHO (ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения). – URL: www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/depression (дата обращения: 22.01.2021).

References

- Bedina V.Yu. *Social'no-psihologicheskie determinanty interesa k psihologii u molodezhi* [Social and psychological determinants of interest in psychology among young people]. Gaudeamus. 2022. Vol. 21, N 1. P. 88–94. (In Russian)
- Bol'shoj psihologicheskij slovar'* [Big Dictionary of Psychology] / pod red. B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. Saint Petersburg : Prajm-Evroznak, 2009. 811 p. (In Russian)

- Vajzman B. *Psichiatriya – predatel'stvo, ne znayushchee granic* [Psychiatry – the Ultimate Betrayal]. Moscow: ANVIK K, 2002. 383 p. (In Russian)
- Golev N.D. Obshchij ocherk koncepcii v "Slovar'e obydennyh tolkovaniy russkikh slov" [A general sketch of the concept in the Dictionary of Ordinary Interpretations of Russian Words]. In *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. Ch. III*. [Ordinary meta-linguistic consciousness: ontological and epistemological aspects. P. III]. 2010. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t. P. 205–218. (In Russian)
- Dolinskij V.A. Associativnye otnosheniya: mezhdisciplinarnyj podhod [Associative relations: an interdisciplinary approach] // *Vestnik MGLU Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin. Humanities]. 2013. N 13(679). P. 30–58. (In Russian)
- Dolinskij V.A. *Teoriya asociativnyh polej v kvantitativnoj lingvistike* [Associative field theory in quantitative linguistics]. Saint Petersburg: Aletejya, 2022. 436 p. (In Russian)
- Zalevskaya A.A. *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [The meaning of the word through the lens of experimentation]. Moscow: Direkt-Media, 2013. 240 p. (In Russian)
- Zalevskaya A.A. O mezhdisciplinarnom potenciale nauchnogo termina [On the interdisciplinary potential of a scientific term]. *Voprosy psiholingvistiki* [Issues in psycholinguistics]. 2019. N 3(41). P. 14–22. (In Russian)
- Leont'ev A.A. Obshchie svedeniya ob asociacijah i asociativnyh normah [General information about associations and associative norms]. *Slovar' asociativnyh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta, 1977. P. 3–16. (In Russian)
- Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. Ch. IV* [Ordinary meta-linguistic consciousness: ontological and epistemological aspects. P. IV]. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t., 2012. 482 p. (In Russian)
- Potebnya A.A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 614 p. (In Russian)
- Spravochnik Vidal'. Lekarstvennye preparaty v Rossii* [Vidal Directory. Medicines in Russia]. Moscow: Vidal' Rus, 2022. 1120 p. (In Russian)
- Hasler F. *Nejromifologiya. Chto my dejstvitel'no znaem o mozge i chego my ne znaem o nem*. [Neuromythology. What we really know about the brain and what we don't know about it]. Moscow: AST, 2022. 320 p. (In Russian)
- Chulkina N.L. *Mir povsednevnosti v yazykovom soznanii russkikh: Linguokul'turologicheskoe opisanie* [The world of everyday life in the linguistic consciousness of Russians: Linguocultural description]. Moscow: Izd-vo RUDN, 2004. 256 p. (In Russian)
- Depression // WHO (World Health Organization). – URL: www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/depression (accessed on: 22.01.2021).

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

Пожалуйста, заполните, в анкете, полученной вами, графы о себе и переходите к списку слов. После каждого приведенного в списке слова напишите в пустой клетке первое слово, о котором вы подумали. Это может быть слово любой части речи. Например: СТОЛ – письменный, СТОЛ – сидел. Пишите только одно слово или словосочетание в каждом ответе. Если не можете дать реакцию, – поставьте прочерк и переходите к следующему слову.

Возраст	20
Пол	ж
Родной язык	русский
Специальность	Приводител. лингвистика

бабочка	анересия	здоровье	споконитие
эмоция	радость	клюква	красная
чистота	порядок	тоска	печаль
травма	боль	сыр	дырки
апатия	грусть	подавленность	уныние
вода	море	счастье	свет
делирий	алкоголь	импульсивность	режкость
рука	нога	день	ночь
тревожность	страх	фрустрация	потерянный
утро	солнце	нога	колоно
доктор	шалат	меланхолия	музыка
дом	уют	обед	сут
депрессия	черный	лицо	нос
цветок	ромашка	невроз	драма
душевнобольной	человек	окно	открытое
хлеб	большой	антидепрессанты	таблетки
радость	улыбка	память	мозг
жизнь	смерть	лес	деревья
галстук	бабочка	мелодия	музыка
симпатия	любовь	озеро	горы

УРОВНИ ЯЗЫКА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

LEXICOLOGY

УДК 811.161.1

DOI: 10.31249/ling/2024.01.03

Борисова Е.Г., Паршин П.Б.¹

**ОПИСАНИЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ (ДИСКУРСИВНЫХ) ЧАСТИЦ
И РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО АППАРАТА
НАУКИ О ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые (наиболее значимые для отечественного исследователя) подходы к описанию служебных единиц языка, в русской грамматической традиции называемых «усилительными частицами» (также «модальными частицами», «дискурсивными словами»). Отмечается заметно возросший интерес к ним во второй половине XX в., что может объясняться развитием научного аппарата, позволяющего уловить ранее незаметные или, по крайней мере, не фиксируемые особенности усилительных частиц. Показывается, как прогресс в области языкознания привел к выявлению новых характеристик частиц, позволил дать более точное описание лексическим единицам, относящимся к этому классу. С другой стороны, отмечаются те теоретические разработки, которые получили толчок или, по крайней мере, обогатились с обращением к

---

¹© Борисова Е.Г., Паршин П.Б., 2024

Борисова Елена Георгиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета; borisovaeg@mgpu.ru

Паршин Павел Борисович – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания МГЛУ; ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России; pparshin@mail.ru

усилительным частицам. Перспективы получения новых результатов в области описания усилительных частиц связываются с расширением исследований речевой деятельности в различных, в том числе и пока еще не сформировавшихся направлениях.

Ключевые слова: история лингвистических учений; служебные слова; коммуникативная организация высказывания; пресуппозиции; прагмалингвистика; операциональное описание значения.

Для цитирования: Борисова Е.Г., Паршин П.Б. Описание усилительных (дискурсивных) частиц и развитие исследовательского аппарата науки о языке // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 1. – С. 39–55. – DOI: 10.31249/ling/2024.01.03

BORISOVA E.G., PARSHIN P.B.¹

DESCRIPTION OF INTENSIFYING (DISCURSIVE) PARTICLES AND THE DEVELOPMENT OF RESEARCH METHODS OF LINGUISTICS

Abstract. The paper deals with some approaches (most significant for local research community) to the description of function units called in Russian grammatical tradition “intensifying particles” (also “modal particles”, “discourse words”; other terms are also used). The obvious growth of interest toward such units in the last decades of 20th and the beginning of 21st century can be explained by the development of analytical methods which makes it possible to catch formerly unnoticeable or at least unfixable peculiarities of intensifying particles. It is shown how the progress in linguistics contributed to detecting new characteristics of particles and allows to provide more precise description of lexical units belonging to the class of words. On the other hand, noticed are those theoretical developments that have got a push or, at least, moved ahead due to the involvement into the study of intensifying particles. It is stated that prospects for obtaining newer results in the description of intensifying particles are promised by enlargement of studying speech activity in various directions including those, which have not taken shape yet.

Keywords: history of linguistic doctrines; function words; communicative organization of utterance; presupposition; pragmalinguistics; operational (procedural) description of meaning.

---

¹ © Borisova E.G., Parshin P.B., 2024

Borisova Elena Georgievna – Doctor of Philology, professor of Department of germanistics and linguodidactics, Moscow State Pedagogical University; borisovaeg@mgpu.ru

Parshin Pavel Borisovich – PhD of Philology, Associate Professor, Dept. of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; Leading Researcher, Institute of International Studies, MGIMO University; pparshin@mail.ru

For citation: Borisova E.G., Parshin P.B. Description of intensifying (discursive) particles and the development of research methods of linguistics. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 1. P. 39–55. DOI: 10.31249/ling/2024.01.03

Введение

Для истории языкознания интерес представляют не только изучение тех или иных объектов или явлений и результаты такого изучения, но и тот путь, который проходят языковеды в ходе этих исследований. В этом смысле представляется показательным история описания единиц, в русской грамматической традиции называемых «усилительными частицами» и близких к ним.

У Пушкина в поэме «Домик в Коломне» имеется своего рода грамматический фрагмент. Обосновывая отказ от завышенных формальных требований к организации стиха, поэт объявляет, что не только «отныне в рифмы будет брать глаголы» и не станет их «надменно браковать» (глагольная рифма в стиховедении считается «легкой»), но к тому же станет «подбирать союзы да наречья», вербуя рать «из мелкой сволочи»¹ – и тем самым признал, что рекрутировать эту «мелочь» вполне уместно, поскольку, несмотря на отраженную в их названиях сегментную малость таких ратников («частички», «мелкие слова», «малые слова»²), они способны к передаче вполне существенных смыслов.

Частицы в пушкинском пассаже не упоминаются, но, учитывая, что в него попали наречия и местоимения с их более прозрачной этимологией, морфологией и семантикой, а также принимая во внимание и поныне актуальный вопрос о диффузности категориальных признаков «мелкой сволочи», можно рискнуть предположить, что Пушкин, вероятно, отнес бы к ней и частицы – по крайней

---

¹ Два века назад слово *сволочь* в собирательном значении ругательством не было.

² На самом деле не все они так уж малы: академическая «Русская грамматика» 1980 г. относит к частицам, притом «простым», такие отнюдь не малые единицы, как, например, наречия *действительно, положительно, решительно* и т.п. в партикулярном употреблении [Шведов, 1980, с. 724].

мере, некоторые из них, и при этом вряд ли потому, что нуждался бы в частицах как в формальных средствах организации стихотворного текста, таковы, в частности заполнители – *пады* – в санскрите, «малые слова»¹ у него вполне содержательны – и не только у него.

Не секрет, что до поры до времени «малым словам» в европоцентрической грамматической теории и внимание уделялось малое – и это при том, что русский, наряду, например, с древнегреческим или немецким языками, малоизученными не назовешь, а они все богаты «языковой мелочью»². Тем не менее интерес к «малым словам» пусть довольно поздно (если отвлечься от нескольких пионерских работ [Шведова, 1960]), но все-же сформировался и, более того, пережил за последние десятилетия как минимум два периода взлета, которые будут охарактеризованы ниже. Сперва, однако, зададимся вопросом о том, что было причиной первоначального небрежения рассматриваемыми единицами. Была ли это только лишь уверенность в том, что их сегментной «малости» соответствует некая смысловая малозначительность, подкрепляемая почти полным отсутствием у частиц и частицеподобных выражений форм словоизменения, изучение которых традиционно было важнейшей задачей морфологоцентрической грамматики (в частности, русской)? Или же такое положение дел объяснялось банальным неумением лингвистической науки сказать о «малых словах» что-нибудь достаточно внятное³ – то ли в силу отсутствия надлежащего исследовательского инструментария, то ли по причине наличия теоретической лакуны в понимании функций частиц и других «мелких слов»?⁴

Учитывая то, что в некоторый момент интерес к этим единицам все-таки возник, а также соотнося периоды активизации

---

¹ В нескольких первых абзацах статьи мы сознательно пользуемся нетерминологичным определением *малые* за отсутствием общепринятой и при этом безупречной альтернативы; чуть подробнее вопрос о терминологии будет затронут ниже.

² Что отмечали, в частности, Э. Косериу и В. Хейнрихс [Николаева, 1985, с. 10]; применительно к русскому языку [Стародумова, 2011, с. 139–149].

³ «Сформулировать воспринятое в четких понятиях», говоря словами фон Гумбольдта.

⁴ «Люди обычно описывают то, что умеют описывать» [Николаева, 1985, с. 7]. Что не умеют – соответственно, не описывают или стараются не описывать.

такого интереса с развитием лингвистической теории и методов изучения языкового материала, приходится признать, что ключевыми моментами в истории «партикуловедения» были прежде всего именно достижения в разработке методов; теория же, развивавшаяся автономно, преимущественно подводилась под методические достижения *post factum* (часто с опозданием) и не всегда выглядела достаточно убедительной – свидетельством чему является уже упомянутое отсутствие общеупотребительного зонтичного термина для обозначения предмета исследования (не пользоваться же шутливым пушкинским выражением всерьез!). А отсутствие обобщающего термина естественно связать с повсеместно признаваемым (вот уж где имеется консенсус!) формальным и содержательным разнообразием (причем разнообразие форм слабо коррелирует с разнообразием функций) этих единиц, образующих, согласно относительно поздней формулировке той же Т.М. Николаевой, «особый пласт языка», в наличии адекватного описания которого она выражает сомнение.

Цели, предмет и методы исследования

Целью работы является сопоставление научных исследований (преимущественно отечественных), посвященных описанию единиц языка, традиционно квалифицируемых как усилительные частицы (или близкие к ним классы). Для этого остановимся вкратце на терминологии.

Оставив в стороне названия, характеризующие формальное разнообразие рассматриваемых единиц (первообразные и непервообразные, простые и составные частицы), и, ограничившись функционально-семантическими обозначениями, можно упомянуть такие из них, как уже упомянутые усилительные, акцентирующие и модальные частицы, и (это своего рода «подзонтики», причем немалого размера) релятивные, вопросительные, ограничительные, градуирующие, пропозициональные, контрастивные, со- и противопоставительные и прочие представленные в литературе как бы терминологические атрибуты слова *частица*, причем за этим терминологическим изобилием скрывается как реальное, интуитивно наглядное и поддающееся экспликации семантико-прагматическое

многообразии языковых единиц, так и произвольная и часто незначимая вариативность.

При этом ни одно из предложенных обозначений по своей внутренней форме не охватывает всего разнообразия интересующих исследователей языковых единиц и их классов. Так, в последние два десятилетия широко употребляемым и почти стандартным стал термин *дискурсные маркеры*, но и его невозможно считать универсальным по своей внутренней форме, поскольку не все маркеры являются дискурсными, например, популярнейшая у исследователей частица *даже* и ее эквиваленты в других языках или довольно редко рассматривавшаяся частица *таки* (обе в свое время изучались авторами настоящей статьи [Широкова, 1982]) вовсе не обязательно апеллируют к дискурсу и контексту (ср. ниже).

Усложняет картину наличие немалого количества «частицеподобных единиц» (наречий, союзов, модальных и местоименных слов и даже междометий, часто омонимичных собственно частицам), отношения которых к частицам более каноническим образом были в разное время рассмотрены в статье А. Вежбицкой (опубликованной на русском языке) и монографиях И.А. Киселева, Т.М. Николаевой, А.Н. Васильевой, Е.В. Падучевой, Е.А. Стародумовой и ряда других авторов, принадлежащих к различным научным школам (или, как Т.М. Николаева и А. Вежбицкая, фактически являющих собой таковые).

Можно было бы – в сугубо предварительном плане – называть рассматриваемые нами «мелкие слова» **маркерами управления пониманием** (сокращенно МУП, или просто **управляющими маркерами**). Однако из-за непривычности термина пока ограничимся тем, что будем все же называть интересующие нас объекты «усилительными частицами», притом что они могут быть неоднозначными или – сплошь и рядом – омонимичными другим словам, не принадлежащим данной категории, что отражается в лексикографических описаниях этих единиц [Баранов и др, 1993; Прияткина, 2001; Стародумова, 2001].

Результаты исследования

Внимание к служебным словам, в первую очередь частицам, а затем и некоторым союзам и междометиям, резко усилилось в 1970-х годах, когда успехи как в области лексической семантики, так и в области семантики синтаксиса заставили обратить внимание на средства, которые, с одной стороны, связаны с описанием синтаксических и семантических явлений, а с другой – не получили в достаточной степени такой трактовки их содержания, которая соответствовала бы достаточно высоким для этого времени требованиям точности и эксплицитности.

В первую очередь надо воздать должное тем работам, где описание семантики осуществлялось в основном традиционными лексикографическими средствами, это, в частности, ранние работы Е.А. Стародумовой и книга А.Н. Васильевой [Vasilyeva, 1972]. Впрочем, заметим, что Васильева работала в русле «русского как иностранного», предполагающего функциональный подход к описанию значений языковых единиц.

Если не объяснением, то уж точно коррелятом усилившегося интереса в мире к частицам на рубеже 1960–1970-х годов был одновременно усилившийся интерес к членению предложения (точнее, высказывания), связанному не с синтаксической структурой, а с информационным, так называемым актуальным членением. Можно связать этот интерес с развитием функционального (деятельностного) подхода к языку, иногда называемого коммуникативным или коммуникативно-прагматическим поворотом, в рамках которого интерес смещался к речи и речевой деятельности. Понятие актуального членения предложения было введено еще в 1940-х годах лидером Пражского лингвистического кружка В. Матезиусом [Mathesius, 1947; Ковтунова, 1976]; впоследствии для этого явления появились и другие названия – темо-рематическое членение, коммуникативная организация смысла высказывания (экспансия понятия **высказывание** также была частью коммуникативно-прагматического поворота) и т.п.¹

---

¹ Интересное терминологическое решение было использовано В.А. Звездинцевым: он предложил сохранить традиционное название «предложение» за тем, что стали называть высказыванием, а «синтаксическое предложение», так

Актуальное членение активно изучалось, в том числе в связи с такими категориями, как данность, новизна, важность, выделенность членов предложения (и его компонентов, не обязательно являющихся синтаксическими составляющими); для них зонтичный термин **коммуникативные категории** сформировался довольно быстро (но, пожалуй, не стал общепринятым)¹.

Вполне естественно, что при этом рассматривалась и связь актуального членения с частицами. Признаваемые частями речи, различные частицы нередко рассматривались как средства маркировки компонентов коммуникативной организации высказывания: темы, ремы, известного, выделяемого [Ковтунова, 1976], однако конкретные семантические характеристики частиц при этом обычно не рассматривались. Одним из первых шагов в этом направлении можно считать попытку (небесспорную) рассмотрения частицы *de* в кушитском языке сомали как облигаторного маркера ремы, предпринятую в свое время А.К. Жолковским [Жолковский 1971].

Привязка показателей коммуникативной организации к значению частиц рассматривалась и позднее, однако чаще всего такие выводы были несколько поверхностны или просто сомнительны. Так, утверждение о том, что частица *-to* маркирует тему, противоречило наблюдаемым фактам: далеко не каждая тема могла присоединять эту частицу.

В 70-е годы в лингвистику пришла еще одна инновация: понятие пресуппозиции (в терминологии Е.В. Падучевой, внесшей значительный вклад в ее и родственных явлений изучение, – презумпции), первоначально получившее весьма удобное операциональное понимание как части значения слова или предложения, которая не может подвергнуться отрицанию, т.е. передается независимо от того, согласен говорящий с ее истинностью или нет. Надо констатировать (что и делается всеми авторами), что первый всплеск интереса к МУП, т.е. усилительным частицам, был связан именно с появлением основанного на понятии пресуппозиции и

сказать, понизить в статусе и называть псевдопредложением [Звегинцев, 1976]. Это решение не было принято синтаксистами, хотя предполагаемая им расстановка акцентов и поныне заслуживает специального обсуждения.

¹ Ср. весьма показательное «перечислительное» название известной статьи [Чейф, 1982].

эксплицируемого с ее помощью нового на тот момент исследовательского инструмента – **пресуппозиционного анализа**, возникшего за рубежом, и изначально не в лингвистике, а в логике, но позволившего достаточно убедительно описать семантику ряда частиц, что было воспринято как прогресс в теории служебных слов в целом.

Очень быстро, однако, выяснилось, что не все так просто. Устойчивым к отрицанию оказалось также исходное предположение вопроса (ср. знаменитый пример из рекламной коммуникации – вопросы типа «*Почему автомобили Вольво самые надежные?*»: надежность не утверждается, а предполагается факт и имплицитно сообщается адресату) и другие компоненты смысла высказывания [Падучева, 1981]. С другой стороны, для анализа далеко не всех частиц тесты на отрицание и на специальный вопрос оказались применимы и информативны. Так, Падучева еще в монографии 1974 г. [Падучева, 1974] привела многочисленные примеры предложений, не имеющих естественного отрицания; часть из них обязана этим наличию в их составе частиц и частицеподобных единиц¹. Толчок, однако, был дан, в результате чего некоторые частицы (в семантическом плане не только усилительные) получили более адекватные семантические описания, чем имевшиеся ранее – а понятие пресуппозиции распалось на несколько категорий, в целом соответствующих представлениям о различных категориях знаний, которые должны иметься у коммуникантов для успешного общения [Падучева, 1985]. Ранние зарубежные публикации, посвященные англ. *only* и *even*, нем. *also*, *nur* и *sogar* [Anderson, 1972; Fraser, 1970; Altmann, 1976], стимулировали исследования отечественных ученых, использующих аналогичные методы [Богуславский, 1985; Крейдлин, 1975].

Однако методы, заимствованные из логики, известны тем, что они столь же мощны, сколь и грубы (за счет высокой степени абстракции). То, что они удачно сработали на некотором материале, очень часто бывает удачным совпадением, на другом материале они работать не будут, и желание продолжать опираться на логический аппарат часто приводит либо к замыканию исследования в очень узком предметном поле (например, постоянным уточнениям

---

¹ Интересно, что она еще использует термин «предложение», а не «высказывание», а многие единицы, признаваемые обычно частицами, называет наречиями.

результатов), либо к попыткам строить новые логики – попыткам иногда удачным, чаще нет, и к тому же весьма затратным в плане интеллектуальных усилий.

Уже в 1977 г. увидела свет работа Л. Карттунена и С. Петерса с характерным названием «Реквием по пресуппозиции» [Karttunen, Peters, 1977], и хотя эта «музыка» прозвучала явно преждевременно, тенденция была обозначена. Фактически произошло выделение в огромном разнообразии частиц своего рода «логической элиты в белых одеждах». А исследователям ограничиваться ею не хотелось, и тут очень кстати подоспел второй всплеск интереса к частицам (МУП), независимо (или почти независимо) обусловленный так называемым коммуникативно-прагматическим поворотом. И опять же он был связан прежде всего с освоением новых методов, хотя теория за ним стояла более лингвистическая и более диверсифицированная [Падучева, 1985].

Общий рост внимания к речевой деятельности и ее различным контекстам привел к развитию лингвистической прагматики. Принадлежность к ней очень многих частиц (гораздо большего их количества, чем членов «логической элиты») к 1980-м годам стала вполне очевидной [Rathmayr, 1985].

С развитием лингвистической прагматики в лингвистику российскую и зарубежную триумфально вступили и комфортно в ней обосновались понятие **дискурса** и производные от него названия рассматриваемых нами единиц: прагматические частицы, прагматические маркеры, дискурсивные частицы, дискурсивные коннекторы, дискурсивные слова и уже упомянутое выше и ставшее наиболее популярным – **дискурс(ив)ные маркеры**¹.

Термин оказался весьма удачным, но он довольно резко отделил единицы, управляющие пониманием высказывания, привлекая весьма общие знания о мире (к ним апеллируют слова типа *даже*, да и то только в одном из употреблений и *только*, число

---

¹ Популяризации соответствующего термина весьма способствовала (не в последнюю очередь благодаря рассмотрению в ней с единых позиций таких различных единиц, как английские *oh, well, now, then, you know, I mean, so, because, and, but and or*) монография Д. Шиффрина [Schiffirin, 1987], предваряемая объемной главой под названием «Что такое дискурс?» (в 1987 г. такое разъяснение было еще уместным). Подобная терминология применяется и в [Aijmer, 2013; Fraser, 2006; Fischer, 2000].

которых объективно невелико), от единиц, мониторящих развитие конкретного дискурса и сопровождающих его коммуникативную (и когнитивную) динамику, устроенную гораздо более сложным способом и коррелирующую с практически бесконечным разнообразием коммуникативных ситуаций (ср. знаменитое определение Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990]). Описание таких единиц представляет собой гораздо более кропотливую и масштабную задачу по сравнению с изучением логических и квазилогических частиц.

В тот же период – и в связи с привлечением прагматических принципов – получило развитие так называемое операциональное описание значений, в основном применяемое к союзам и частицам. В это описание включают те когнитивные операции, которые должен осуществить адресат. Их осуществление меняет образ действительности в сознании адресата высказывания, в чем и заключается понимание содержащего прагматический маркер высказывания. Например, значением частицы *ЖЕ* можно объявить передаваемую ей инструкцию к операции «считай просьбу очень важной» [Борисова, 1983]. Практически стандартный тезис о «рематизирующей функции» *даже*, против которого, правда, не раз справедливо возражала Т.М. Николаева [Николаева, 1985, с. 79], опровергается при постулировании гипотезы о том, что семантика неожиданности, являющаяся частью значения *даже*, связана с двумя разными типами знаний – абстрактными либо конкретными. К абстрактным апеллирует рематическое *даже*, к конкретным – тематическое. *Даже* не меняет актуального членения высказывания, напротив, его семантика чувствительна к актуальному членению, устанавливаемому на независимых основаниях [Паршин, 1984, с. 55–67]. Заметим, что сам предлагаемый термин «маркер управления пониманием» (МУП) подразумевает именно операциональную (процедурную) интерпретацию частиц.

Использование (и разработка) прагматических методов (пока что по большей части не могущих похвастаться такой же строгостью, которая присуща методам логическим) продолжается и сейчас, поскольку роль и частиц, и многих союзов, и междометий связана с взаимодействием участников общения, что и составляет суть лингвопрагматики.

Операциональное описание в каком-то смысле можно рассматривать как реализацию когнитивного подхода в лингвистике, поскольку оно допускает и даже предполагает апелляцию к когнитивным структурам и процессам – к сожалению, в основном гипотетическим. К этому же направлению можно отнести и французскую школу А. Кюльоли, в которой частицы получали графическую репрезентацию, что в каком-то смысле можно считать графическим моделированием мыслительных представлений. В этом русле были выполнены и описания русских частиц, в том числе в «Путеводителе по дискурсивным словам» [Баранов и др., 1993; Дискурсивные слова, 1998].

Когнитивный подход был продемонстрирован и при изучении истории формирования значений усилительных частиц. В частности, делались попытки рассмотреть метафоризацию значимых или служебных слов, приводящую к появлению значения, обеспечивающего частные функции: усиление утверждения, вопроса или приказа за счет развития значений дейктических слов ТО, ВОТ, наречия УЖ(Е) и др. [Борисова и др., 2017].

К концу XX – началу XXI в. до частиц также дошла очередь в корпусной лингвистике и в дискурсивном подходе. Что касается отечественных исследований частиц и других дискурсивных слов, то появился словарь, где отражены примеры употребления усилительных частиц, союзов и других слов в зафиксированных текстах [Богданова, 2012; Стародумова, Прияткина, 2011].

Среди позднейших тенденций в изучении частиц (и других служебных слов) следует отметить внимание к так называемым коннекторам – средствам связи больших кусков текста. В принципе это развитие – на новом уровне – интереса к связному тексту и сверхфразовым единствам. Учитывая, что теперь в дело вовлечены импликатуры дискурса, моделирование понимания и ряд прочих новых разработок, можно ждать определенных результатов в описании функциональных слов, в том числе усилительных частиц (они же МУП).

Выводы

Усилительные частицы, союзы (преимущественно простые) и другие дискурсивные слова получали описания с использованием многих современных теорий и направлений. Можно сказать, что

современное развитие лингвистики вскрывает как раз те явления языка, которые в значительной степени связаны с условиями функционирования усилительных частиц и других служебных слов.

Вместе с тем представляется, что многие особенности частиц, в частности их способность к передаче значительных фрагментов смысла в свернутом виде, дают основания полагать, что потребность в их более доскональном описании будет способствовать развитию и других направлений лингвистики, которые, возможно, еще не получили окончательного оформления.

Список литературы

- Аллатов В.М.* Слово и части речи. – Москва : ИД ЯСК, 2018. – 256 с.
- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
- Баранов А.Н., Плузьян В.А., Рахилина Е.В.* Пугеводитель по дискурсивным словам русского языка. – Москва : Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
- Богданова Н.В.* О проекте словаря дискурсивных слов (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). – 2012. – С. 71–83.
- Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике: сфера действия логических слов. – Москва : Наука, 1985. – 174 с.
- Борисова Е.Г.* Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. – 1990. – Т. 48, № 2. – С. 351–364.
- Борисова Е.Г.* Семантический анализ усилительных частиц русского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1982. – 187 с.
- Борисова Е.Г., Афанасьева О.В., Сулейманова О.А.* Когнитивная интерпретация семантических сдвигов в значениях усилительных частиц // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 4. – С. 14–19.
- Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1970. – 767 с.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселёвой, Д. Пайара. – Москва : Метатекст, 1998. – 446 с.
- Жолковский А.К.* Синтаксис сомали. Глубинные и поверхностные структуры. – Москва : Наука, 1971. – 268 с.
- Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 307 с.
- Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – Москва : Просвещение, 1976. – 239 с.
- Крейдли Г.Е.* Лексема даже // Семиотика и информатика. – 1975. – № 6. – С. 102–115.

- Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – Москва : Либроком, 1985. – 167 с.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). – Москва : Наука, 1985. – 271 с.
- Падучева Е.В.* Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в тексте // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1981. – № 1. – 15 с.
- Паришин П.Б.* Коммуникативная организация смысла и структура знаний о мире (в связи со смыслом ‘даже’) // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. 2. – Москва : Наука, 1984. – С. 55–67.
- Паришин П.Б.* Сопоставительное выделение как коммуникативная категория : дис. ... канд. филол. наук. – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1988. – 243 с.
- Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. и др.* Словарь служебных слов русского языка. – Владивосток : ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. – 363 с.
- Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – Москва : Лазурь, 1998. – 422 с.
- Стародумова Е.А.* Об источниках «частицеобилия» русского языка // Стародумова Е.А. Избранные работы: описание русских частиц, словарные статьи, синтаксис художественной прозы. – Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2011. – С. 139–149.
- Чейф У.* Данное, конструктивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. № XI. – Москва : Прогресс, 1982 – 460 с.
- Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – Москва : Академия наук, 1960. – 378 с.
- Шведова Н.Ю.* Русская грамматика. Т. I. – Москва : Наука, 1980. – 724 с.
- Шимчук М.Г., Шур Э.Г.* Словарь русских частиц. – Berlin : Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. – 147 с.
- Широкова Е.Г.* Частица И и некоторые функции усилительных частиц // Семантика служебных слов. – Пермь : Пермск. гос. ун-т. – 1982. – С. 166–176.
- Широкова Е.Г.* Частица ТАКИ – значение и условия употребления // Семиотика и информатика. – 1982. – № 19. – С. 137–147.
- Aijmer K.* Analyzing Modal Adverbs as Modal Particles and discourse markers // Discourse Markers and Modal particles. Categorization and description. – 2013. – P. 89–106.
- Altmann H.* Die Gradpartikeln im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Syntax, Semantik und Pragmatik. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1976. – 334 p.
- Anderson S.R.* How to get even // Language. – Vol. 48, N 4. – P. 893–907.
- Burkhardt A.* Abtönungspartikeln im Deutschen. Bedeutung und Genese // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 1994. – N 22. – P. 129–151.
- Fischer K.* From Cognitive Semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2000. – 374 p.
- Fraser B.* An analysis of EVEN in English // Studies in linguistic semantics. – New York : Holt, Rinehart & Winston, 1970. – P. 141–180.
- Fraser B.* An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. – 1990. – N 14. – P. 383–393.
- Helbig G.* Lexikon deutscher Partikeln. – Leipzig : Enzykl., 1988. – 258 p.

- Karttunen L., Peters St.* Requiem for Presupposition // Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – 1977. – P. 360–371.
- Mathesius V.* O tak zvaném aktuálním členění větěném // Čeština a obecný jazykozpyt. – Praha : Melantrich, 1947. – N 1. – P. 234–242.
- Rathmayr R.* Die russischen Partikeln als Pragmalexeme. – München : Sagner, 1985. – 352 p.
- Shiffrin D.* Discourse Markers. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 354 p.
- Vasilyeva A.N.* Particles in Colloquial Russian. – Moscow : University Press of the Pacific, 1972. – 260 p.

References

- Alpatov V.M. *Slovo i chasti rechi* [Word and parts of speech]. Moscow: ID YASK, 2018 256 p. (In Russian)
- Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. In *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 136–137. (In Russian)
- Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina E.V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive words of the Russian language]. Moscow: Pomovsky and Partners, 1993. 207 p. (In Russian)
- Bogdanova N.V. O proekte slovyara diskursivnykh slov (na korpusnom materiale) [About the project of a dictionary of discursive words (on corpus material)]. In *Computational linguistics and intellectual technologies. Based on the materials of the annual International Conference "Dialogue"*. 2012. P. 71–83. (In Russian)
- Boguslavsky I.M. *Issledovaniya po sintaksicheskoy semantike: sfera deystviya logicheskikh slov* [Research on syntactic semantics: the scope of logical words]. Moscow: Nauka, 1985. 174 p. (In Russian)
- Borisova E.G. *Otrazhenie kommunikativnoy organizatsii vyskazyvaniya v leksicheskoy znachenii* [Reflection of the communicative organization of the utterance in lexical meaning] // Questions of Linguistics. – 1990. – Vol. 48. – N 2. – P. 351–364. (In Russian)
- Borisova E.G. *Semanticheskyy analiz usilitelnykh chastits russkogo yazyka* [Semantic analysis of amplifying particles of the Russian language]: PhD work of Philology. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1982. 187 p. (In Russian)
- Borisova E.G., Afanasyeva O.V., Suleymanova O.A. Kognitivnaya interpretatsiya semanticheskikh sdvigov v znacheniyah usilitelnykh chastits [Cognitive interpretation of semantic shifts in the values of amplifying particles]. *Questions of cognitive linguistics*. 2017. N 4. P. 14–9. (In Russian)
- Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language] / Ed. by N.Y. Shvedova. Moscow: Nauka, 1970. 767 p. (In Russian)
- Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language: the experience of contextual and semantic description] / Ed. by K. Kiseleva, D. Payar. Moscow: Metatext, 1998. 446 p. (In Russian)

- Zholkovsky A.K. *Sintaksis somali. Glubinnye i poverhnostnye struktury* [The syntax of Somalia language. Deep and surface structures]. Moscow: Nauka, 1971. 268 p. (In Russian)
- Zvegintsev V.A. *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi* [The sentence and its relation to language and speech]. Moscow: Lomonosov MSU, 1976. 307 p. (In Russian)
- Kovtunova I.I. *Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian language. The word order and the actual division of the sentence]. Moscow: Enlightenment, 1976. 239 p. (In Russian)
- Kreidlin G.E. *Leksema dazhe* [Lexeme even]. *Semiotics and informatics*. 1975. N 6. P. 102–115. (In Russian)
- Nikolaeva T.M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in utterance (based on the material of Slavic languages)]. Moscow: Librocom, 1985. 167 p. (In Russian)
- Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitelnostyu (Referencialnye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and its correlation with reality (Referential aspects of pronoun semantics)]. Moscow: Nauka, 1985. 271 p. (In Russian)
- Paducheva E.V. *Prezumptsiy i drugie vidy neeksplicitnoy informatsii v tekste* [Presumptions and other types of non-explicit information in the text]. *Scientific and technical information. Ser. 2*. 1981. N 1. 15 p. (In Russian)
- Parshin P.B. *Kommunikativnaya organizatsiya smysla i struktura znaniy o mire (v svyazi so smyslom 'dazhe')* [The communicative organization of meaning and the structure of knowledge about the world (in connection with the meaning of 'even')]. In *Linguistic research. Typology. Dialectology. Etymology. Comparative studies. Part 2*. Moscow: Nauka, 1984. P. 55–67. (In Russian)
- Parshin P.B. *Sopostavitel'noe vydelenie kak kommunikativnaya kategoriya* [Comparative selection as a communicative category]: PhD work of Philology. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1988. 243 p. (In Russian)
- Priyatkina A.F., Starodumova E.A. et al. *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of official words of the Russian language]. Vladivostok: SUE "Primpoli-grafkombinat", 2001. 363 p. (In Russian)
- Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of structural words of the Russian language] / Ed. by V.V. Morkovkin. Moscow: Lazur, 1998. 422 p. (In Russian)
- Starodumova E.A. *Ob istochnikah "chastitseobiliya" russkogo yazyka* [About the sources of the "particle abundance" of the Russian language]. In *Selected works: description of Russian particles, dictionary entries, syntax of fiction*. Vladivostok: Marine State University, 2011. P. 139–149. (In Russian)
- Chafe W. *Dannoe, konstruktivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya* [Datum, constructiveness, definiteness, subject, topics and point of view]. In *New in foreign linguistics*. N XI. Moscow: Progress, 1982. 460 p. (In Russian)
- Shvedova N.Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow: Academy of Sciences, 1960. 378 p. (In Russian)

- Shvedova N.Yu. *Russkaya grammatika. T. I* [Russian grammar. Vol. I]. Moscow: Nauka, 1980. 724 p. (In Russian)
- Shimchuk M.G., Shchur E.G. *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Berlin: Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. 147 p. (In Russian)
- Shirokova E.G. Chastitsa I i nekotorye funktsii usilitelnykh chastits [Particle And and some functions of amplifying particles]. In *Semantics of service words*. Perm: Perm State University, 1982. P. 166–176. (In Russian)
- Shirokova E.G. Chastitsa TAKI – znanenie i usloviya upotrebleniya [Particle So – meaning and conditions of use]. *Semiotics and informatics*. 1982. N 19. P. 137–147. (In Russian)
- Aijmer K. Analyzing Modal Adverbs as Modal Particles and discourse markers. In *Discourse Markers and Modal particles. Categorization and description*. 2013. P. 89–106.
- Altmann H. *Die Gradpartikeln im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Syntax, Semantik und Pragmatik* [The degree particles in German. Investigations on their syntax, semantics and pragmatics]. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1976. 334 p. (In German)
- Anderson S.R. How to get even. *Language*. Vol. 48, N 4. P. 893–907.
- Burkhardt A. Abtönungspartikeln im Deutschen. Bedeutung und Genese [Tinting particles in German. Significance and Genesis]. *Zeitschrift für germanistische Linguistik* [Journal of German Linguistics]. 1994. N 22. P. 129–151. (In German)
- Fischer K. *From Cognitive Semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2000. 374 p.
- Fraser B. An analysis of EVEN in English. In *Studies in linguistic semantics*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1970. P. 141–180.
- Fraser B. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*. 1990. N 14. P. 383–393.
- Helbig G. *Lexikon deutscher Partikeln* [Lexicon of German particles]. Leipzig: Enzykl., 1988. 258 p. (In German)
- Karttunen L., Peters St. Requiem for Presupposition. In *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1977. P. 360–371.
- Mathesius V. O tak zvaném aktuálním členění větném [About the so-called current sentence breakdown]. *Čeština a obecný jazykozpyt* [Czech and general linguistics]. Praha: Melantrich, 1947. N 1. P. 234–242. (In Czech)
- Rathmayr R. *Die russischen Partikeln als Pragmalexeme* [The Russian particles as pragmalexems]. München: Sagner, 1985. 352 p. (In German)
- Shiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 354 p.
- Vasilyeva A.N. *Particles in Colloquial Russian*. Moscow: University Press of the Pacific, 1972. 260 p.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

DIALECTOLOGY

УДК 811.133.2

DOI: 10.31249/ling/2024.01.04

Галактионов С.С.¹

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ НИЦЦКОГО ГОВОРА ОКСИТАНСКОГО ЯЗЫКА: АКТУАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные инициативы по сохранению ниццкого говора провансальского диалекта окситанского языка. Представлены исторические предпосылки возникновения диглоссии в Ницце, а также основные проблемы, связанные с преобладанием французского языка над местным говором. Особое внимание уделяется деятельности городских ассоциаций, которые при поддержке администрации организуют различные культурные мероприятия, направленные на популяризацию нисартских традиций и языка. Автор показывает динамику развития программ билингвального франко-нисартского образования в школах и высших учебных заведениях Ниццы. Сделан вывод о том, что, несмотря на отсутствие первичных носителей говора, консолидированные усилия городской администрации и многочисленных активистских организаций позволят увеличить число неоносителей нисара и обеспечить сохранение местного говора.

Ключевые слова: окситанский язык; ниццкий говор; диглоссия; билингвальное образование; сохранение языков.

Для цитирования: Галактионов С.С. К вопросу о сохранении ниццкого говора окситанского языка: актуальные инициативы // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 1. – С. 56–76. – DOI: 10.31249/ling/2024.01.04

---

¹Галактионов Семён Сергеевич – младший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН; semengal98@mail.ru

GALAKTIONOV S.S.¹

TOWARDS THE PRESERVATION OF THE NIÇARD DIALECT
OF THE OCCITAN LANGUAGE: CURRENT INITIATIVES

Abstract. The article discusses current initiatives to preserve the Niçard subdialect of the Provençal dialect of Occitan. The author presents the historical background to the emergence of diglossia in Nice, as well as the main problems associated with the predominance of the French language over the local dialect. Particular attention is paid to the actions of various city associations, which, with the support of the current administration, organize cultural events aimed at promoting Nissart traditions and language. The author shows the dynamics of development of bilingual Franco-Nissart education programmes in schools and higher education facilities of Nice. It is concluded that, despite the absence of primary speakers, the consolidated efforts of the city administration and numerous activist organizations will increase the number of neospeakers and ensure the preservation of the local dialect.

Keywords: Occitan language; Niçard dialect; diglossia; bilingual education; language preservation.

For citation: Galaktionov S.S. Towards the preservation of the Niçard dialect of the Occitan language: current initiatives. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 1. P. 56–76. DOI: 10.31249/ling/2024.01.04

Описание языковой ситуации в Окситании, историко-культурной области на юге Франции и частично на территории Испании и Италии, невозможно без использования такого термина, как «диглоссия» [Lafont, 1971; Gardy, Lafont, 1981]. Региону свойственен особый вариант билингвизма, при котором на тех или иных территориях сосуществуют два языка, каждый из которых применяется носителями в различных функциональных сферах. Соответственно, в случае с Окситанией первым и зачастую доминантным языком выступает французский, испанский или итальянский, а вторым – менее популярный окситанский. Отечественные романисты А.П. Лободанов, Е.В. Морозова и И.И. Чельшева выделяют несколько альтернативных вариантов наименования этого

---

¹ Galaktionov Semyon Sergeevich – Junior Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; semengal98@mail.ru

языка, помимо закрепившегося и наиболее распространенного «окситанский»: язык трубадуров (средневековых поэтов-музыкантов из Окситании) и язык ок (фр. *langue d'oc*, окс. *lenga d'oc*) [Лободанов, Морозова, Чельшева, 2001, с. 278]. Во избежание чрезмерных повторений в рамках настоящего исследования обозначения «окситанский», «язык трубадуров» и «язык ок» будут использоваться как взаимозаменяемые.

Вопрос классификации языка трубадуров остается дискуссионным по сей день, так как некоторые лингвисты относят окситанский к окситано-романской подгруппе романских языков, в то время как другие зарубежные исследователи романских языков выделяют особую пиренейскую группу, в которую включают каталанский, арагонский, гасконский и собственно окситанский. Ряд отечественных исследователей предпочитают не выделять отдельную окситано-романскую подгруппу и относят язык ок к галло-романской подгруппе романской группы индоевропейской семьи языков [Лободанов, Морозова, Чельшева, 2001, с. 279]. Сам окситанский имеет ряд диалектов и говоров, разделенных на две основополагающие группы: северноокситанскую и южноокситанскую. Подобное разделение обусловлено рядом историко-географических причин, поэтому область распространения того или иного диалекта или говора зачастую соответствует историческим границам южных регионов Франции. К северноокситанской группе относят лимузенский, овернский и виваро-альпийский диалекты с их различными говорами. Южноокситанская же группа включает в себя два крупных диалекта: лангедокский и провансальский. В настоящем исследовании хотелось бы подробнее остановиться на одном из говоров провансальского диалекта, а именно – на ниццком говоре, имеющем также следующий ряд синонимичных наименований: нисуазский (фр. *niçois*), нисар (*niçard*) и нисартский (*nissart*).

Актуальной проблемой в области изучения нисуазского говора является отсутствие исчерпывающих социолингвистических исследований, которые помогли бы полноценно оценить языковую ситуацию в Ницце и близлежащих городах на сегодняшний день. В этих условиях трудно с какой-либо степенью точности определить, какое место нисар занимает в регионе, как в плане развития его употребления, так и в плане репрезентации языка в различных

сферах. Чтобы составить представление о сложившейся ситуации, следует остановиться на нескольких ключевых моментах.

В первую очередь для понимания всей сложности случая с Ниццей, нужно выйти за общеокситанские рамки. Очевидно, что в настоящее время в Ницце господствует французский язык, оставляя лишь небольшое пространство для нисара. Однако чисто исторически диглоссия на территории Ниццы формировалась особым образом и породила формы, которые несколько отличаются от привычной модели этого явления. Если повсюду на юге Франции неумолимое исчезновение окситанского языка под натиском французского было заявлено еще на ранней стадии этого процесса и вызревало в течение длительного периода, то в Ницце языковой переход произошёл довольно жестко. Исследователи отмечают: ощущение того, что местная культура и язык находятся под угрозой исчезновения, появилось у местных жителей очень поздно [Kirsch, Kremnitz, Schlieben-Lange, 2002, p. 20]. Катастрофизм, охвативший Прованс в первой половине XIX в., не был характерен для Ниццы. Например, аббат Мишо в 1840 г. прямо адресовал свою «Грамматику Нисара» (окс. *Grammatica Nissarda*), написанную полностью на окситанском языке, жителям Ниццы, состоятельным гостям города, приезжающим «зимовать», а также административным служащим, которые не говорят на нисаре и хотели бы наладить отношения со своими подчиненными [Miséu, 1840, p. IX]. Это чувство, что местный язык непреходящ, а иностранцы и прочие (не)носители легко приспособляются к нему, никогда не исчезало. Отсюда возникает ощущение, что нисароязычное сообщество не ожидало такого удара со стороны французского языка. Даже сегодня многие люди, выросшие в кварталах Ниццы и часто сами не владеющие местным говором, очень удивляются тому, что население больше не говорит на нисартском.

Лингвистический переход был тем более впечатляющим, что, в отличие от провансальского или лангедокского, нисуазский, похоже, никогда не выходил из обихода представителей высших и правящих классов. Исследователи окситанского отмечают, что во времена Великой французской революции использование французского или окситанского языка варьировалось в зависимости от принадлежности человека к тому или иному социальному слою [Kirsch, Kremnitz, Schlieben-Lange, 2002, p. 26–27]. Например,

Р. Гасилья пишет, что жители Прованса тогда были поражены тем, что в Экс-ан-Провансе, Авиньоне и Монпелье язык окситанцев слишком часто подвергается нападкам со стороны «господ» (окс. *li moussurot*), в то время как в Ницце, как ранее и во всем Провансе и Лангедоке, представители высшего городского сословия гордятся тем, что говорят на своем национальном языке [Gasiglia, 1984, p. 74]. Традиция утрачена не полностью, так как и сегодня еще есть адвокаты и врачи, которые говорят на нисуазском, а мэры Ниццы и их заместители, говорящие на диалекте, могут спокойно использовать его на публике. Долгое время все вопросы на заседаниях муниципального совета Ниццы обсуждались на нисаре, и только ко второй половине XIX в. все дела начали вести на французском, хотя и сегодня можно встретить носителей, которые используют местный говор для обсуждения вопросов политики и экономики, причем это могут быть представители самых разных слоев населения. В общем, процесс становления диглоссии в Ницце неоднозначен, и его следует рассматривать в исторической перспективе.

Нисуазский говор пользуется большим уважением у местных жителей, а его легитимность на территории Ниццы и близлежащих городов воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее в начале XIX в. в некоторых французских и нисартских изданиях можно было наряду с обозначением *nissart* встретить такое слово как *patois*, которое в контексте французского общества несет ряд негативных коннотаций, связанных прежде всего с классовыми различиями. Словом «патуа» нередко обозначали диалекты и наречия, используемые менее образованными группами населения и оттого считавшиеся менее престижными по сравнению с доминирующим французским языком. Но уже к началу XX в. это слово перестали употреблять в отношении нисара, так как оно не закрепилось ни в сознании носителей говора, ни среди лингвистов, исследовавших регион.

Важно также отметить, что языковая ситуация в Ницце – один из немногих живых примеров городского окситанского языка. Ф. Берниссан отмечал, что к 1900 г. окситанский язык практически перестал употребляться в крупных городах [Bernissan, 2012, p. 491], он стал языком крестьянства и пережитком прошлого, в то время как за нисуазским закрепился ярлык языка большого города, в котором очень сильно влияние традиционной культуры. И даже в

то время, когда над ним нависла угроза, появлялись все новые носители, причем из разных возрастных групп. В XX в. обнаружилось, что он способен к географической экспансии, так как нисуазский начал проникать в глубинку и распространяться вдоль побережья, в том числе в тех коммунах бывшего графства Ницца, которые устояли перед вторжением городской французской речи [Dalbera, 1989; Forner, 2001]. Способность говора к экспансии также подтверждается способностью иммигрантского населения к языковой интеграции. В частности, выходцы с территории нынешней Италии всегда быстро перенимали нисартский, в результате чего появлялись люди, способные говорить как на итальянском диалекте своего региона, так и на диалекте города, в который они переместились. Например, хорошо известны случаи с иммигрантами из Пьемонта и Сенеркьи (провинция Авеллино), которые успешно интегрировались в нисароязычное сообщество [Gasiglia, 1984, 18]. Можно также встретить французов из самых разных слоев общества, прибывших в 1950–1970-х годах и способных изъясняться на нисартском, который они выучили на базовом уровне благодаря межличностному общению с жителями Ниццы. Однако, как отмечают исследователи, несмотря на довольно выгодное социолингвистическое положение нисартского говора, а также его способность к интеграции и самосохранению, события первой половины XX в. не могли не сказаться на языковой ситуации в регионе. В этот период давление французского языка стало ощущаться еще сильнее, так как на фоне войн в обществе произошла консолидация именно вокруг французской идентичности, которая постепенно начала вытеснять региональные культуры и языки [Del Giudice, 2014, p. 1643]. При этом в сознании самих носителей долгое время отсутствовало свойственное современной диглоссии противопоставление «нисар – французский», и местный говор, скорее, воспринимался как просто отдельно существующий язык, потому что долгое время нисуазский на своей территории соседствовал с теми же итальянским, пьемонтским, лигурийским, другими итальянскими диалектами, приморским провансальским и даже английским и русским. В связи с этим особо дискуссионным представляется вопрос о «национальности» нисуазского говора. Это вопрос, скорее, политического характера, который часто вызывает споры между французами и итальянцами и

находит различные отклики как в научном сообществе, так и среди населения [Gasiglia, 1984, p. 83–91]. Одни рассматривают нисар как оригинальный и совершенно автономный язык, другие же считают, что он сформировался в результате смешения древних и живых языков. Некоторые отмечают, что он имеет сходство с пьемонтским, лигурийским, сардинским или даже является одним из диалектов итальянского.

Что же касается попыток максимально точно определить количество носителей ниццкого говора, в большинстве случаев это приводит к экстраполяции одних результатов на другие или же к аппроксимации, что еще раз демонстрирует необходимость проведения планомерных статистических исследований. Если обратиться к расчетам французского исследователя Ф. Берниссана, мы увидим, что в целом в департаменте Приморских Альп (фр. *Alpes-Maritimes*, окс. *Aups Maritims*) сформировалась следующая языковая ситуация: исчезли носители нисуазского (т.е. те, для кого он оставался первым языком), а число людей, для которых он является вторым языком, составляет около 1427 человек [Bernissan, 2012]. Данные показатели, встревожившие французских и окситанских лингвистов, дают общее представление о той плачевной ситуации, которая сложилась в регионе. Однако не стоит забывать, что эти цифры были получены Ф. Берниссаном в ходе масштабного исследования, охватившего около 30 департаментов Франции и не учитывавшего специфику Ниццы и близлежащих городов. В рамках более раннего исследования, проведенного в 1984 г., было подсчитано, что из всей массы населения, проживающего на территориях, традиционно относящихся к нисароговорящим, менее 10% людей являются прямыми носителями нисартского языка (т.е. на тот момент не более 40 тыс. человек). Следует также отметить, что большинство респондентов, названных прямыми носителями местного говора, уже тогда были старше 50 или 60 лет [Gasiglia, 1984, p. 72–73].

Это позволяет исследователям констатировать, что к сегодняшнему дню количество естественных носителей нисартского языка определенно сократилось, но при этом они все еще остались среди местных жителей преклонного возраста. В связи с этим в целях сохранения коренного говора число говорящих на нисуазском приходится пополнять за счет растущего числа так называе-

мых неоносителей [Grinevald, Bert, 2011, p. 51–52], т.е. лиц, которые декларируют свою культурную и территориальную идентичность и изучают нисар как иностранный с помощью учебных пособий или при непосредственном контакте с естественными носителями говора, так как считают, что знание языка является ключевым условием возрождения и дальнейшего сохранения нисарской культуры. В начале 1940-х годов нисар преподавался в исключительных случаях и только в ограниченном числе образовательных учреждений, но, когда перед населением встал вопрос полного исчезновения коренного говора, количество новых образовательных программ стало непрерывно расти. Ситуации поспособствовал ряд законодательных изменений, затронувших сферу преподавания региональных языков Французской Республики. Так, Закон Дейксона № 51–46 от 11.01.1951 г. (фр. *Loi N 51–46 du 11.01.1951 relative à l'Enseignement des Langues et Dialectes locaux*) стал первым законом, разрешившим преподавание региональных языков на факультативной основе и задавшим курс на сохранение многих коренных языков республики. Естественно, это не только поспособствовало сохранению коренных языков Заморских территорий Франции, вроде таитянского и многочисленных канакских языков, но и простимулировало расширение образовательных программ по внутренним региональным языкам. Впоследствии Закон Дейксона был отменен, а его положения включены в ряд образовательных актов, задающих принципы и направления образовательной политики Франции, в том числе и в Кодекс об образовании (фр. *Code de l'éducation*), который на сегодняшний день предусматривает возможность изучения коренных языков тех или иных регионов в качестве дополнительной дисциплины и создания специализированных билингвальных классов или отделений (фр. *section*) в начальных школах и выше [Москвичева, 2017, с. 240].

Такое положение дел в системе образования Франции привело к тому, что программы билингвального обучения, начиная с детского сада и заканчивая университетом, начали постепенно набирать популярность и привлекать внимание не только среди активистов, но и в городских администрациях. В начальной школе первая специализированная билингвальная программа была создана в 2012–2013 гг. По данным администрации, в 2013 г. в средних школах департамента Приморских Альп 1221 человек проходили

двуязычное обучение на французском и одном из окситанских (дело в том, что на западе департамента основным диалектом является провансальский, а не нисуазский), причем половина делала это в колледжах, а половина – в лицеях. К этому числу можно также добавить студентов, которые все чаще изъявляют желание изучать нисар в таких высших учебных заведениях, как Университет Лазурного берега (фр. *Université Côte-d'Azur*) или Университет Ниццы – София Антиполис (фр. *Université de Nice Sophia-Antipolis*) [Del Giudice, 2014, p. 1640]. Сегодня в ряде образовательных учреждений сохранились программы билингвального франко-нисартского обучения для детей дошкольного возраста. Например, на официальном сайте мэрии Ниццы можно найти объявление о записи на программу франко-нисартского обучения в двух школах, Оранжэ (фр. *École les Orangers*) и Фуон Кода (фр. *École Fouont Cauda*), а также полный список документов, которые родителям необходимо предоставить для записи своего ребенка [Inscription à la classe français-nissart]. Отдельное место в системе билингвального франко-нисартского образования занимает Нисартская академия (нис. *Acadèmia Nissarda*; фр. *Académie Niçoise*), основанная в 1906 г. писателем и потомственным нисуазцем Анри Саппиа (1833–1906). Сегодня академия организует ежегодные конференции, посвященные местной культуре и языку, а также различным аспектам их сохранения. Помимо этого, каждый год запускается цикл курсов нисартского языка и пения на местном диалекте. Одним из наиболее значимых достижений академии на современном этапе было переиздание знаменитого «Словаря нисуазского языка» (фр. *Dictionnaire de la Langue Niçoise*) под редакцией Жюля Эйнауди и Луи Каппати. В этом по-настоящему энциклопедическом словаре было собрано большое количество статей исторического, этнографического, лингвистического и гастрономического характера, а также ряд материалов, посвященных местной флоре и фауне [Eynaudi, Cappati, 2009], что обеспечило ему статус незаменимого инструмента для преподавания нисара в образовательных учреждениях и более подробного ознакомления с языком и традиционной культурой Ниццы.

Также особого внимания заслуживает ежегодный окситанский диктант (окс. *Dictada occitana*; фр. *Dictée occitane*), который проводится в различных регионах Франции, Испании и частично

Италии. Под его эгидой и при поддержке мэрии города в Ницце устраивается диктант по нисартскому говору. Цель этого мероприятия – популяризация языка ок во всем его диалектном многообразии и демонстрация богатства окситанской литературы. Это ежегодное мероприятие проводится бесплатно и открыто для всех желающих, и поскольку в качестве площадки проведения выбирается такое престижное место, как Средиземноморский университетский центр (фр. *Centre Universitaire Méditerranéen*), организаторам удастся привлечь еще больше участников. Уполномоченный по вопросам образования и нисуазской идентичности Жан-Люк Гальоло отмечает, что главной задачей конкурса является демонстрация того, что на нисаре можно не только говорить, но и писать, и что делать это могут люди, принадлежащие как к старшему, так и к более юному поколению [Dictée niçoise 2022]. Особую роль в организации ежегодного диктанта играют различные неправительственные организации и ассоциации, такие как Институт окситанских исследований (фр. *Institut d'Etudes Occitanes*), Ассоциация преподавателей региональных языков (фр. *Association des Professeurs de langues Régionales*), Федерация ассоциаций округа Ницца (фр. *Fédération des Associations du Comté de Nice*), Объединение традиционных видов искусства (фр. *Collectif des Arts Traditionnels*), а также активистские объединения *Nissart Per Tougiou* и *Nissa Pantai*.

Некоторые из вышеупомянутых ассоциаций организуют собственные языковые курсы для носителей разных возрастов. К их числу, например, относится *Nissart Per Tougiou*, сформировавшаяся в декабре 1997 г., когда несколько молодых людей решили что-то сделать с постепенным разрушением культурного наследия Ниццы, несметные богатства которого, по их мнению, редели с каждым днем. В то время, когда число первичных носителей нисара постепенно сокращалось, традиционные нисуазские песни и мелодии забывались, а такие игры, как *мура* (традиционная игра на руках, похожая на «камень, ножницы, бумага», в которой нужно угадать, сколько пальцев покажет оппонент) и *пилу* (игра, в которой нужно подобно футболисту жонглировать специальным воланом), казались не более чем пережитками прошлого, они объединились и под руководством Жана-Франсуа Марро создали ассоциацию активистов. Сегодня ассоциация *Nissart Per Tougiou*

включает в себя десятки активных членов и дает им возможность вновь обрести свою уникальную культуру и региональный язык, а также громко и четко заявить о своей идентичности. С этой целью объединение организует регулярные выезды, культурные мероприятия, уроки традиционного танца и курсы нисартского говора [Nissart Per Tougiou]. На самом сайте ассоциации можно также найти серию бесплатных уроков нисара для всех желающих. Особой инициативой объединения *Nissart Per Tougiou* в рамках программы по привлечению внимания молодого поколения к вопросу сохранения местного культурного и языкового наследия является сотрудничество с молодежной командой местного футбольного клуба *OGC Nice*. Представители ассоциации устраивают встречи с действующими игроками команды и учащимися футбольной академии клуба, а также ознакомительные занятия, на которых рассказывают о культурно-исторических особенностях Окситании и, в частности, Ниццы, проводят базовые уроки ниццкого говора, обучают молодых слушателей игре в уже упомянутые *мура* и *пилу* и предлагают попробовать традиционные блюда местной кухни.

Успех подобных инициатив по привлечению молодого поколения к сохранению нисартской культуры и языка обусловлен еще и тем, что футбольный клуб *OGC Nice* имеет большое количество фанатов разных возрастов, которые при поддержке своей команды апеллируют к уникальности именно культурно-языковой идентичности нисуазцев. У клуба даже имеются свои «ультрас», организованные группы болельщиков, информацию о которых можно найти на официальном сайте «красно-черных»: в первую очередь это наиболее масштабный по количеству людей *Club des supporters*; сформировавшиеся относительно недавно *North Side* и *Ultras Populaire Sud*; межрегиональные и международные секции *La Secioun Parigi* и *Secioun Israël* и, наконец, детский *Kop Mèfi Club*. При посещении матчей болельщики-ультрас нередко используют футбольные кричалки на нисаре и демонстрируют плакаты и шарфы с напечатанными или вышитыми фразами на местном говоре. На сайте *OGC Nice* можно также найти видеозаписи различных кричалок в поддержку команды, которые исполняются фанатами на нисуазском, как, например, популярные *Dale Nikaia* и *Mounta! Cala!* Однако исторически сложилось так, что наиболее

популярной футбольной кричалкой была и остается *Nissa la bella*, неофициальный гимн города Ниццы и всего нисуазского региона.

Текст гимна на нисаре	Текст гимна на французском
Вступление	
Viva, viva Nissa la Bella!	Vive, vive Nice la belle!
Первый куплет	
O la miéu bella Nissa, Regina de li flou, Li tiéu vièji taulissa Iéu canterai toujou! Canterai li mountagna, Lu tiéu riche decor, Li tiéu verdi campagna, Lou tiéu gran soulèu d'or!	Ô ma belle Nice, Reine des fleurs, Tes vieilles toitures, Je [les] chanterai toujours! Je chanterai les montagnes, Tes riches décors, Tes vertes campagnes, Ton grand soleil d'or!
Припев	
Toujou iéu canterai Souta li tiéu tounela La tiéu mar d'azur, Lou tiéu cièl pur, E toujou criderai En la miéu ritournella: <i>Viva, viva Nissa la bella!</i>	Toujours je chanterai Sous tes tonnelles Ta mer d'azur, Ton ciel pur, Et toujours je crierai Dans ma ritournelle: <i>Vive, vive Nice la belle!</i>
Второй куплет	
Canti la capelina, La rosa, lou lilà, Lou pouòrt e la Marina, Païoun, Mascouïnà! Canti la soufieta Doun naisson li cansoun, Lou fus, la coulougnet, La miéu bella Nanoun!	Je chante la capelina, La rose, le lilas, Le port et la Marine, Paillon, Mascouinat! Je chante la mansarde Où naissent les chansons, Le fuseau, la quenouillette, Ma belle Annette!
Третий куплет	
Canti li nouòstri gloria, L'antic bèu calèn, Dòu gioungioun li vitoria, L'òudou dòu tiéu printèms! Canti lou vièlh Cincaire, Lou tiéu blanc drapèu, Pi lou brès de ma maire Dòu mounde lou pu bèu!	Je chante nos gloires, L'antique belle lampe à huile, Du donjon les victoires, L'odeur de ton printemps! Je chante le vieux Sincaire, Ton blanc drapeau, Puis le berceau de ma mère Le plus beau du monde!

Автором данного гимна является знаменитый нисартский поэт Франческо-Доменико Ронделли (1854–1935), прославившийся под псевдонимом Меника, сокращением имени Доменико – на нисуазский манер – за счет афрезы. Меника Ронделли написал большое количество текстов и песен на местном говоре, многие из которых были приурочены к всемирно известному ежегодному карнавалу. Поэт был сторонником идеи нисуазской идентичности, ее сохранения и распространения. В 1911 г. он даже основал Комитет нисуазских традиций (фр. *Comité des traditions niçoises*) [Bovari, 2002]. В 1903 г. Ронделли написал текст *A la mieu bella Nissa (À ma belle Nice)*, который он впоследствии переименовал и опубликовал под более прижившимся названием *Nissa la bella*. Именно эту версию текста в свое время начали использовать фанаты футбольного клуба *OGC Nice*, в результате чего творение Меники Ронделли обрело вторую жизнь и стало не только неофициальным гимном Ниццы, но и главной песней в поддержку местной команды. Ниже приведен текст *Nissa la bella* в оригинале и в переводе на французский язык [Maurandi, 2023], что позволит настоящему оценить его образность и понять, почему именно он сыграл такую значимую роль в сохранении культурно-языковой идентичности нисуазцев.

Следует отметить, что оригинал текста представлен в так называемой мистральской орфографической норме, известной также как норма фелибрижа. Эта традиция более упрощенного и приближенного к французскому графического оформления нисартской речи имеет свои исторические предпосылки. Своими корнями она восходит к 1850-м годам, когда начался процесс постепенного присоединения графства Ниццы к территории Франции. В это же время ряд представителей так называемой авиньонской школы решили объединиться под эгидой сохранения провансальской культуры и языка и основали движение фелибров. В конце 1840-х годов Жозеф Руманиль (1818–1891), один из основоположников авиньонской школы литераторов и самих фелибров, начал проводить в жизнь языковую реформу, целью которой было создание единого литературного языка и ликвидация диалектной раздробленности в окситанском языке [Евдокимова, 1991, с. 324]. Впоследствии к движению присоединился известный провансальский поэт и лексикограф Фредерик Мистраль, в честь которого потом и

будет названа новая орфографическая норма. Основной целью фелибров было возрождение индивидуальных особенностей региональной культуры, своими корнями восходящей к деятельности ранее упоминавшихся средневековых трубадуров. Круг поэтов и прозаиков, вступивших в ряды фелибров, расширился, и свои усилия они направили на создание художественной литературы на новопровансальском языке, нормы которого были разработаны на основании различных южнофранцузских диалектов. Главным достижением фелибров стало то, что они смогли показать, насколько сильны культурные традиции Прованса и насколько ценно языковое наследие местных диалектов. Их вклад во французскую культуру не ограничился XIX в., так как многие поэты, этнографы, диалектологи и фольклористы и по сей день продолжают изучать и практиковать нисартские традиции и использовать мистральскую орфографическую норму [Мейлах, 1972, с. 926].

Таким образом, сам факт, что гимн *Nissa la bella* вошел в репертуар фанатов клуба *OGC Nice* в том виде, в каком он был опубликован Меникой Ронделли, т.е. оформленным в соответствии с мистральской орфографической нормой, показывает, с какой бережностью сторонники нисартской языковой традиции относятся к данному тексту. Если же обратиться к непосредственному содержанию гимна, мы увидим, что он наполнен историческими отсылками, а также образами и городскими локациями, знакомыми нисуазцам. Например, первая половина первого куплета «О, моя прекрасная Ницца, королева цветов, я готов вечно воспевать твои старые крыши» (фр. *Ô ma belle Nice, Reine des fleurs, Tes vieilles toitures, Je [les] chanterai toujours!*) напоминает слушателю о том, что Ницца всегда считалась очень «цветущим» городом и действительно называется «королевой цветов». Здесь также присутствует знакомый многим общепровансальский образ старых черепичных крыш. Отдельно следует отметить строки «Я воспеваю капелины, розы, лилии, порт и Ля Марин, Пайон, Маскуина!» (фр. *Je chante la capelina, La rose, le lilas, Le port et la Marine, Paillon, Mascouïnat!*), в которых присутствует упоминание как капелин, соломенных шляпок, ставших неотъемлемым элементом традиционного женского нисуазского костюма, так и различных урбанонимов, вроде Ля Марин – рыбного рынка в старой части города, Пайон – прибрежной реки департамента Приморских Альп, и

Маскуина – бедного квартала старого города. Поэтому неудивительно, что текст, содержащий такое количество культурно-специфической и прецизионной информации, был присвоен болельщиками клуба *OGC Nice*, желавшими продемонстрировать свою принадлежность к городу и его традициям.

Понятно, что некоторые учащиеся так никогда и не научатся свободно владеть нисартским говором. Более того, при нынешнем положении дел лишь малая часть неоносителей будет иметь возможность использовать его в своей повседневной жизни. И, несмотря на то, что в своем прогнозировании мы можем опираться лишь на весьма расплывчатые показатели, трудно оспорить тот факт, что нисароязычное сообщество составляет лишь малую часть от полумиллионного населения агломерации Ниццы. Кроме того, есть и определенная группа населения, которая не владеет нисаром, но знакома с ним в силу определенных обстоятельств, как, например, дети носителей языка или лица, выросшие в кварталах, где широко использовался нисуазский. Сложно предположить, сколько людей относится к этой группе, так как мы вновь сталкиваемся с отсутствием статистических данных, однако отметить ее не стоит, так как лица, входящие в эту группу, в целом чувствительны к различным инициативам по сохранению и распространению местного говора.

В то время как спонтанное диалогическое общение между людьми, характерное для носителей языка, начало в последние годы терять популярность, возникли новые инициативы, обеспечивающие носителям говора пространство для социализации. В этом отношении ситуация в Ницце ничем не отличается от ситуации в остальных регионах Окситании, где классные аудитории превратились в своего рода заповедники, в которых разговорный нисар может даже не практиковаться. Нами только что была отмечена роль национальной системы образования, университетов, а также различных ассоциаций, пользующихся поддержкой местных властей, в сохранении нисартской культуры и говора. При этом инициативные группы формируются в том числе на уровне самой городской администрации. Например, с 2008 г. в мэрии Ниццы работает делегация «Историческое, археологическое, языковое и культурное наследие Ниццы» (фр. *Patrimoine historique, archéologique, langue et culture niçoises*). Члены делегации отстаивают интересы участников мест-

ного культурного процесса, предлагают языковые курсы нисара для сотрудников мэрии и всячески популяризируют использование говора на городских культурных мероприятиях, на плакатах, в документах и агитационных материалах муниципальных служб и т.д. Таким образом, мы видим, что городская администрация продолжает оказывать финансовую поддержку уже имеющимся структурам, но при этом создает отдельные структуры внутри самих административных органов.

В конце концов следует сказать, что нисуазцы с активной гражданской позицией в отношении местного культурно-языкового наследия занимаются не только преподавательской или просветительской, но еще и рекреационной и развлекательной деятельностью. Регулярно выходят новые литературные издания на нисаре, переиздаются сборники тех же фелибров и провансальских поэтов, печатаются газеты и журналы. Так, тираж основанного в 1970 г. двуязычного журнала *Lou Sourgentin*, выходящего раз в два месяца, на сегодняшний день составляет более 3 тыс. экземпляров. Говор можно встретить и в Интернете, где его используют посетители многочисленных форумов, блогов и сайтов, посвященных культурной жизни Ниццы. Главная ежедневная газета города отводит нисару лишь небольшую еженедельную колонку, но существуют и другие СМИ, которые позволяют услышать местный говор. *Vaqui*, единственная в Провансе телевизионная программа на окситанском языке, иногда предоставляет слово носителям нисара. Две радиостанции (*France Bleu Azur* и *Fréquence K*) периодически предоставляют эфирное время носителям местного говора. Существует также *Ràdio Nissa Pantai*, региональная станция, которая постоянно вещает через Интернет, предлагает большой ассортимент бесплатных обучающих материалов по нисартскому говору, истории Ниццы, ее топонимам и урбанонимам. Также *Ràdio Nissa Pantai* круглосуточно транслирует музыкальные произведения на окситанском и его диалектах, а с недавнего времени проводит трансляции матчей футбольного клуба *OGC Nice* с комментариями на нисаре. На сайте радиостанции отмечается, что молодая аудитория с энтузиазмом воспринимает появление новых окситанских исполнителей [*Ràdio Nissa Pantai*].

Большим успехом пользуются и различные культурные и праздничные мероприятия, организуемые ассоциациями, такие как

FestiVous и *Festin d'aquí*. На этих бесплатных фестивалях все желающие могут послушать песни на нисаре, традиционную нисартскую музыку и посмотреть спектакли местного диалектного театра. Нисартский театр (фр. *Théâtre niçois*) Франсиса Гага заслуживает отдельного внимания, так как он действительно очень популярен, а в его работе задействовано несколько трупп, большинство из которых выступают на протяжении нескольких десятилетий. Театр был основан в 1930-х годах, и для того, чтобы адаптировать пьесы для того времени и публики, Франсис Гаг часто практиковал двуязычные постановки и использовал билингвизм или же языковое взаимопроникновение как особый театральный прием. Это позволило, с одной стороны, лучше отразить реальность нисартской земли, где французский доминирует с начала XX в., а с другой – адаптироваться к меняющейся аудитории, которая сегодня стала еще более разнонациональной, чем раньше, но при этом старается не терять связь с нисартским языком. Такой подход открывает двери Нисартского театра для представителей разных социальных и языковых групп [Каньоли, 2011, с. 33]. Сегодня в числе актеров можно встретить местных певцов, писателей, блогеров, журналистов, членов нисартских ассоциаций, а также волонтеров, преподающих окситанский язык и его диалекты. В 2011 г. театр подписал соглашение с Академией Ниццы (фр. *Académie de Nice*), суть которого заключается в популяризации театральной деятельности на нисаре среди учащихся города [Del Giudice, 2014, p. 1640].

Таким образом, мы видим, что выживание нисуазского говора зависит, с одной стороны, от действий институциональных игроков и администрации, а с другой – от индивидуальных или ассоциативных инициатив (чаще всего добровольных), причем связь между этими двумя мирами обеспечивают в основном учителя, которые стали настоящими хранителями нисара.

Несмотря на то, что нисар хорошо сохранился, он продолжает уступать доминирующему в регионе французскому языку в неравной диглосной ситуации, а значит, говор все еще находится под угрозой исчезновения. Поддержание жизненной силы нисуазского осложнено тем, что количество первичных носителей говора стремится к нулю, и решение проблемы полностью зависит от вторичных носителей говора, которые, в свою очередь, зависят от вспомогательных средств на французском языке. Это объясняется

тем, что старые словари и лингводидактические материалы были изначально рассчитаны на носителей окситанского языка. Их авторы не предполагали, что в будущем у окситанского и нисара появятся неоносители, которые будут учить диалект с нуля с помощью другого языка. Окситанисты нового поколения, равно как и новые носители нисартского говора становятся все больше отрезаны от унаследованного ими языка [Sumien, 2006, p. 41]. Без полноценных и стандартизированных словарей и грамматик они не имеют возможности культивировать местный говор так, как в свое время это делали те же фелибры.

И все же мы видим, что в последнее время появляется все больше инициатив по сохранению нисуазского, проводимых администрацией города Ниццы совместно с различными неправительственными и некоммерческими организациями. Точкой опоры для подобных инициатив могут служить самые разные аспекты жизни в регионе, например тот факт, что лексические заимствования из нисуазского говора закрепились в качестве топонимов и урбанонимов, а также в качестве названий многих традиционных нисуазских блюд, знакомых большинству жителей региона вне зависимости от их возрастной категории. Организации вроде *Nissart per Tougiou* пытаются апеллировать к фанатам футбольного клуба *OGC Nice* и игрокам молодежной команды, проводят занятия по ознакомлению с историей, культурой, языком и кухней региона. И, конечно, наиболее популярной инициативой остается ежегодный нисуазский диктант, в котором участвуют как старшие носители диалекта, так и дети школьного возраста, обучающиеся на билингвальных программах в ряде городских лицеев. Сегодня главными задачами, стоящими перед администрацией города, являются консолидация усилий по сохранению и дальнейшему распространению местного говора и привлечение активных носителей нисартского к созданию новых стандартизированных образовательных материалов.

Представляется, что совместные усилия образовательных программ и городских ассоциаций помогут воспитать новое поколение носителей нисара, для которых региональный диалект будет не историческим памятником, а частью их идентичности, проявляющейся как в частной, так и в общественной жизни.

Список литературы

- Евдокимова Л.В.* Литературы Западной Европы (второй половины XIX в.). Провансальская литература // История всемирной литературы / ред. И.А. Бернштейн. – Москва : Наука, 1991. – Т. 7. – С. 324–327.
- Каньоли С.* Билингвизм в коми и нисартском театрах: Нёбдинса Виттор и Франсис Гаг // Финно-угорский мир. – 2011. – № 2/3. – С. 30–33.
- Лободанов А.П., Морозова Е.В., Чельшева И.И.* Окситанский язык // Языки мира: Романские языки / ред. Т.Ю. Жданова, О.И. Романова, Н.В. Рогова. – Москва : Academia, 2001. – С. 278–304.
- Мейлах М.Б.* Фелибры // Краткая литературная энциклопедия / ред. А.А. Сурков. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 7. – С. 926.
- Москвичева С.А.* Типы франко-окситанского билингвального образования: опыт, итоги, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14, № 2. – С. 239–245.
- Bernissan F.* Combien de locuteurs compte l'occitan en 2012? // Revue de Linguistique Romane. – 2012. – N 303–304. – P. 467–512.
- Bovari C.* La Ratapignata: Un périodique populaire en dialecte nissart. – Nice : Serre Editeur, 2002. – 181 p.
- Dalbera J.-Ph.* Interférences entre provençal et ligurien dans la genèse du système morphologique mentonnais // Bulletin du Centre de Romanistique et de Latinité tardive. – 1989. – N 4(5). – P. 89–97.
- Del Giudice P.* Le dialecte niçois: usage consacré et parler de la rue // Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2014. SHS Web of Conferences. – 2014. – N 8. – P. 1639–1655.
- Dictée niçoise 2022. – URL : <https://www.nice.fr/fr/videos/dictee-nicoise-2022/general?type=videos> (дата обращения: 01.09.2023).
- Eynaudi J., Cappati L.* Dictionnaire de la Langue Niçoise. – Nice : Académia Nissarda, 2009. – 1300 p.
- Forner W.* Le Mentonnais entre toutes les chaises? Regards comparatifs sur quelques mécanismes morphologiques // Caserio J.-L. & Commission du vocabulaire mentonnais (eds.). Lexique Français-Mentonnais, 2001. – P. 11–23.
- Gardy P., Lafont R.* La diglossie comme conflit: l'exemple occitan // Langages. – 1981. – N 61. – P. 75–91.
- Gasiglia R.* Grammaire du Nissart. – Nice : I.E.N., 1984. – 426 p.
- Grinevald C., Bert M.* Speakers and communities // Austin P.K. and Sallabank J. (eds.). The Cambridge Handbook of Endangered Languages, 2011. – P. 45–65.
- Inscription à la classe français-nissart. – URL : <https://www.nice.fr/fr/actualites/inscription-a-la-classe-francais-nissart/mairie?parent=root&type=articles> (дата обращения: 01.09.2023).
- Kirsch F.P., Kremnitz G., Schlieben-Lange B.* Petite histoire sociale de la langue occitane – Usages, images, littérature, grammaires et dictionnaires. – Canet : Trabucaire, 2002. – 190 p.

- Lafont R.* Un problème de culpabilité sociologique: la diglossie franco-occitane // Langue française. – 1971. – N 9. – P. 93–99.
- Loi N 51-46 du 11.01.1951 relative à l'Enseignement des Langues et Dialectes locaux. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000886638> (дата обращения: 01.09.2023).
- Maurandi J.-G.* Nissa la bella (Nice la belle) – Niça la bèla. – URL : <http://mtcn.free.fr/lyrics/nissa-la-bella.php?lng=fr> (дата обращения: 01.09.2023).
- Micèu D.G.* Grammatica Nissarda. – Nice : Imprimaria de la Sossietà Tipografica, 1840. – 87 p.
- Nissart Per Tougiou. – URL : <http://www.nissart-per-tougiou.com/cms/> (дата обращения: 01.09.2023).
- Ràdio Nissa Pantai. – URL : <https://nissapantai.org/associacion/> (дата обращения: 01.09.2023).
- Sumien D.* La Standardisation pluricentrique de l'occitan. – Turnhout : Brepols, 2006. – 501 p.
- Toselli J.-B.* Recuei de 3.176 prouverbi, sentensa, massima, conseu, parabola, buoi mot, precet & diç nissart. – Nice : Cauvin-Empereur, 1878.

References

- Evdokimova L.V. Literary Zapadnoj Evropy (vtoroj poloviny XIX v.). Provensal'skaja literatura [Literatures of Western Europe (second half of the 19th century). Provençal literature]. In *Istorija vseмирnoj literatury* [History of World Literatures]. Moscow: Nauka, 1991. Vol. 7. P. 324–327. (In Russian)
- Kan'oli S. Bilingvizm v komi i nissartskom teatrah: Njjobdinsa Vittor i Fransis Gag [Bilingualism in Komi and Nissart theatres: Nöbdinsa Vittor and Francis Gag]. *Finnougoriskij mir* [Finno-Ugric world], 2011. N 2/3. P. 30–33. (In Russian)
- Lobodanov A.P., Morozova E.V., Chelysheva I.I. Oksitanskij yazyk [Occitan language]. In *Yazyki mira: Romanskije yazyki* [Languages of the world: Romance languages]. Moscow: Academia, 2001. P. 278–304. (In Russian)
- Mejläh M.B. Felibry [Félibres]. In *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija* [Concise Encyclopaedia of Literature]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1972. Vol. 7. P. 926.
- Moskvitcheva S.A. Tipy franko-oksitanskogo bilingval'nogo obrazovaniya: opyt, itogi, perspektivy [Types of French-Occitan bilingual education: experience, results, perspectives]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'*. 2017. N 14(2). P. 239–245. (In Russian)
- Bernissan F. Combien de locuteurs compte l'occitan en 2012? *Revue de Linguistique Romane*. 2012. N 303-304. P. 467–512.
- Bovari C. *La Ratapignata: Un périodique populaire en dialecte nissart*. Nice: Serre Editeur, 2002. 181 p.
- Dalbera J.-Ph. Interférences entre provençal et ligurien dans la genèse du système morphologique mentonnais. *Bulletin du Centre de Romanistique et de Latinité tardive*. 1989. N 4(5). P. 89–97.

- Del Giudice P. Le dialecte niçois: usage consacré et parler de la rue. Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2014. SHS Web of Conferences. 2014. N 8. P. 1639–1655.
- Dictée niçoise 2022*. URL: <https://www.nice.fr/fr/videos/dictee-nicoise-2022/general?type=videos> (accessed: 01.09.2023).
- Eynaudi J., Cappati L. *Dictionnaire de la Langue Niçoise*. Nice: Académia Nissarda, 2009. 1300 p.
- Forner W. Le Mentonnais entre toutes les chaises? Regards comparatifs sur quelques mécanismes morphologiques. In Caserio J.-L. & Commission du vocabulaire mentonnais (eds.). *Lexique Français-Mentonnais*, 2001. P. 11–23.
- Gardy P., Lafont R. La diglossie comme conflit: l'exemple occitan. *Langages*. 1981. N 61. P. 75–91.
- Gasiglia R. *Grammaire du Nissart*. Nice: I.E.N., 1984. 426 p.
- Grinevald C., Bert M. Speakers and communities. In Austin P.K. and Sallabank J. (eds.). *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. 2011. P. 45–65.
- Inscription à la classe français-nissart*. URL: <https://www.nice.fr/fr/actualites/inscription-a-la-classe-francais-nissart/mairie?parent=root&type=articles> (accessed: 01.09.2023).
- Kirsch F.P., Kremnitz G., Schlieben-Lange B. *Petite histoire sociale de la langue occitane – Usages, images, littérature, grammaires et dictionnaires*. Canet: Trabucaire, 2002. 190 p.
- Lafont R. Un problème de culpabilité sociologique: la diglossie franco-occitane. *Langue française*. 1971. N 9. P. 93–99.
- Loi N 51–46 du 11.01.1951 relative à l'Enseignement des Langues et Dialectes locaux*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000886638> (accessed: 01.09.2023).
- Maurandi J.-G. *Nissa la bella (Nice la belle) – Niça la bèla*. URL: <http://mtcn.free.fr/lyrics/nissa-la-bella.php?lng=fr> (accessed: 01.09.2023).
- Micèu D.G. *Grammatica Nissarda*. Nice: Imprimaria de la Sossietà Tipografica, 1840. 87 p.
- Nissart Per Tougiou*. URL: <http://www.nissart-per-tougiou.com/cms/> (accessed: 01.09.2023).
- Ràdio Nissa Pantai*. URL: <https://nissapantai.org/associacion/> (accessed: 01.09.2023).
- Sumien D. *La Standardisation pluricentrique de l'occitan*. Turnhout: Brepols, 2006. 501 p.
- Toselli J.-B. *Recuei de 3.176 proverbi, sentensa, massima, conseu, parabola, buoi mot, precet & diç nissart*. Nice: Cauvin-Empereur, 1878.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

УДК 811.161.1

DOI: 10.31249/ling/2024.01.05

Опарина Е.О., Раренко М.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
КАРАСИК В.И. ЯЗЫКОВОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ. –
МОСКВА : ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА, 2023. – 500 с.**

Аннотация. В рецензируемой монографии с позиций антропологического направления в лингвистике исследуются языковые и текстовые единицы, выражающие «кванты» смысла – культурные концепты, сюжетные мотивы (нарративы), дискурсы. В центре внимания те свойства категорий, которые определяют их креативный лингвокультурологический потенциал. К таким свойствам концептов и текстовых единиц автор книги относит: образы, возникающую на их основе символику и оценочность, т.е. аксиологическую характеристику описываемого языковой единицей явления. Аксиологическая характеристика рассматривается как важнейшая для лингвокультурологического знака. Эти признаки, как показывает В.И. Карасик, проявляются в наибольшей степени в художественных текстах – как в индивидуально-авторских, так и фольклорных. Однако не только в художественных текстах работает креативный потенциал языка. В монографии показано, что он активно участвует в создании современных медиатекстов разных жанров.

---

¹*Опарина Елена Олеговна* – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; ellenoparina@gmail.com

Раренко Мария Борисовна – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; rarenco@rambler.ru

Исследование проводится В.И. Карасиком преимущественно на материале русской лингвокультуры, однако для сопоставления привлекаются данные других языков, например, английского. Также анализируются сюжетная символика армянских, ирландских и еврейских пословиц, армянских средневековых басен. Автор отмечает общие для этих языков и культур закономерности, но при этом выявляется культурно-национальная специфика содержания и формы.

В отдельной главе исследуется лингвокультурологический потенциал языковых средств, используемых в современных дискурсах, в том числе в сетевом дискурсе.

Ключевые слова: антропологическое направление в лингвистике; функции языка; функционал текстовых единиц; лингвокультурный концепт; символы; сюжетные мотивы; нарративы; дискурсы; сетевой дискурс.

Для цитирования: Опарина Е.О., Раренко М.Б. Рецензия на монографию: Карасик В.И. Языковое преобразование реальности. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – 500 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 1. – С. 77–96. – DOI: 10.31249/ling/2024.01.05

OPARINA E.O., RARENKO M.B.¹

MONOGRAPH REVIEW:

KARASIK V.I. THE LANGUAGE TRANSFORMATION OF REALITY. –

Moscow: State institute of the Russian language
named after A.S. Pushkin, 2023. – 500 p.

Abstract. In the work under review, from the perspective of the anthropological direction in linguistics, linguistic and textual units expressing “quanta” of meaning, that is cultural concepts, plot motifs (narratives) and discourses are studied. The focus is on those properties of categories that determine their creative linguocultural potential. The author of the book investigates the following characteristics of concepts and textual units: images, symbolism and axiological characteristics of the phenomenon being described. The axiological characteristics is considered as the most important for the linguocultural signs. These signs, as shown by V.I. Karasik, are manifested to the greatest extent in literary texts – in prose as well as in verse, and both in individual authorship and folklore. However, the creative potential of language works not only in literary

---

¹*Oparina Elena Olegovna* – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; ellenoparina@gmail.com

Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

texts. The study shows that it is actively involved in the creation of modern media texts of various genres.

The study is carried out mainly on the material of the Russian linguoculture, but data from other languages, such as English, are used for comparison. The images and symbolism of Armenian, Irish and Jewish proverbs and Armenian medieval fables are also analyzed. The author notes the cultural patterns that are common to these languages and cultures, but at the same time cultural and national specificity of content and form is revealed.

Keywords: anthropological trend in linguistics; functions of language functional potential of text units; linguocultural concept; symbols; plot motives; narrations; discourses; net discourse.

For citation: Oparina E.O., Rarenko M.B. Monograph review: Karasik V.I. The language transformation of reality. Moscow: State institute of the Russian language named after A.S. Pushkin, 2023. 500 p. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 1. P. 77–96. DOI: 10.31249/ling/2024.01.05

Сущность человека возможно рассматривать через познание и преобразование мира, и язык является важнейшим инструментом в этих процессах. Векторы этой деятельности В.И. Карасик обозначает как функционалы языка, т.е. функциональные возможности осмысления реальности, ее знакового закрепления в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения, а также их дискурсивных воплощений в тех или иных текстотипах.

Моделируя языковые процессы, автор монографии отправным моментом предлагает признать определение функций языка, которые сводятся к проявлению коммуникации, закреплению знаний о мире в содержании языковых единиц и знаковому выражению коммуникативных моделей и лингвокультурной информации в различных типах таких единиц.

В рецензируемой работе описаны три функционала языка: концептуальный, сюжетный и дискурсивный. «Изучение лингвокультурных концептов – квантов переживаемого знания, включающих понятийное, образное и ценностное содержание, проиллюстрировано несколькими типами ментальных образований – базовыми параметрическими концептами пространства и времени (бесконечность и вечность), регулятивными концептами поведения

(власть, упорство и упрямство, лицо и репутация); концептами освоенного мира (дом, сад, карусель) и природных явлений (огонь и лед)» [Карасик, 2023, с. 410]. В свою очередь, сюжетный функционал языка соотносится с описанием концептов, сценариев (скриптов) и типажей. При описании дискурсивного потенциала языка в монографии приводятся модусы самовыражения в общении, алогические разновидности мировосприятия в разных типах дискурса (партиципация), особенности проявления мистификации, дискурсивной точности и неточности, объединение в речевом поступке разных типов дискурса (дискурсивная конвергенция).

Во введении к монографии В.И. Карасик отмечает, что тема, сформулированная в ее заглавии, – языковое преобразование реальности – является частью антропологического направления в лингвистике. Подход автора основан на убеждении в способности естественного человеческого языка не только отражать реальность, но и преобразовывать ее. «В рамках этого подхода к изучению языка на первый план выступают вопросы взаимодействия языка и культуры, ценностной языковой картины мира, воздействия и самовыражения в общении» [Карасик, 2023, с. 5]. В антропологической лингвистике одно из центральных понятий – «языковой концепт», которое, при различии дефиниций, трактуется как вербальное выражение комплекса представлений или знаний о том или ином фрагменте мира [Аругюнова, 1997; Воркачев, 2001; Кубрякова, 2012; Степанов, 2007]. Исследователь дает общее определение концептов как квантов переживаемого знания, имеющих лингвокультурную природу [Карасик, 2023, с. 5].

Ведущей характеристикой современного этапа лингвистики В.И. Карасик называет интеграцию науки о языке с другими областями гуманитарного знания – психологией, социологией, культурологией. Данные этих областей гуманитарного знания участвуют в создании лингвокультурной семантики.

Соотношение понятий «концепт – сюжет – дискурс» было изучено автором в монографии 2022 г. [Карасик, 2022]. В рецензируемой работе, продолжающей данное направление исследования, в центре внимания находится креативный потенциал языковых концептов и текстовых «производных» концептов – сюжетных мотивов, сюжетов и дискурсов. Эти структуры являются не только репрезентантами культуры, они также являются инструментом

развития лингвокультуры. Эта идея последовательно проводится в рецензируемой монографии. Ориентация монографии на нарративные структуры и дискурсы позволяет учесть жанровое разнообразие языковой коммуникации. Как отмечает В.И. Карасик, для понимания современной коммуникации чрезвычайно важным является изучение сетевого дискурса.

Книга состоит из трех глав, содержание и последовательность которых воспроизводят движение исследователя от концептов как комплексов представлений о фрагментах мира к их актуализации в текстах, воплощающих коммуникативный и когнитивно-культурный потенциалы языка: 1. «Концептуальный функционал языка»; 2. «Нарративный функционал языка»; 3. «Дискурсивный функционал языка».

В главе 1 – «Концептуальный функционал языка» – анализируются базовые для языкового сознания и культуры носителей языка комплексы представлений: о вечности и бесконечности (как пространственной, так и временной категории); о социальных регулятивах (власть, упорство и упрямство, репутация), а также о природных реалиях (огонь и лед), о доме и саде. Исследование проводится на материале русского языка и потому отображает языковое сознание носителей русского языка, однако для сопоставления привлекаются данные других языков, что позволяет увидеть специфическое и общее в лингвокультурах.

Анализ культурных концептов, принадлежащих к указанным сферам, проводится В.И. Карасиком по единому принципу. В каждом концепте выделяются понятийные, образные и ценностные признаки, поэтому в центре внимания находятся три модуса реализации концептов: 1) словарный – по дефинициям главного номинанта в словарях и справочниках; 2) дискурсивный – с учетом выражения концепта в обиходном, медийном, художественном, научном и других типах дискурса; 3) ассоциативно-личностный (образный) – на основе данных ассоциативных словарей и текстовой реализации главного номинанта.

На большом количестве языкового материала В.И. Карасик показывает, что осмысление власти в лингвокультуре имеет все три измерения – понятийное, образное, ценностное, и они специфически представлены в различных типах нарративов и дискурсов. Дефиниции, данные в толковых словарях, служат основанием для

выделения в содержании концепта 'власть' следующих признаков: возможность осуществления власти (способность, право, сила); осуществление власти и способы ее навязывания; субъекты власти и ее объекты (лица, организации, страны). Образная специфика концепта состоит в типизации участников с доминантой их неравенства по положению: в основе образов преимущественно противопоставление «верх – низ».

Дискурсивная специфика концепта 'власть' состоит в том, что он преимущественно принадлежит политическому и тесно с ним связанному медийно-публицистическому дискурсу. Именно в этом типе дискурса «акцентируются системообразующие признаки власти – принуждение и выделение группы субъектов – носителей власти» [Карасик, 2023, с. 42]. Эти смыслы проявляются в сочетаемости номинанта: принудительная власть; власть сосредоточена (в чьих-либо руках); власть над другими. Значимы для актуализации концепта также признаки борьбы за власть и ее захвата: сражаться за власть, захватить власть; признак законности власти – легитимность власти; признаки дискредитации власти: дискредитировать власть, конвертировать власть в собственность.

В русской художественной литературе отчетливо выражена критическая оценка власти. В поэтических текстах власть ассоциируется с рабством, уподобляется тяжести и грязи: «везде неправедная власть» (А.С. Пушкин); «Дай Бог не вляпаться во власть» (Е. Евтушенко). Однако власть также осмыслена в русской поэзии как неодолимое влечение или воздействие на душу; рифма и смысл сближают власть и страсть. Негативная оценка доминирует и в прозаических текстах: «...деспот-учитель власть свою охранял свирепо, очень любил уничтожать людей, показывать свою силу» (Д. Гранин); «В числе прочего я говорил, – рассказывал арестант, – что всякая власть является насилием над людьми...» (М. Булгаков). Образная специфика власти дополняется показателями ассоциативного эксперимента: власть ассоциируется с ситуациями запрета, с применением силы и насилием.

Оценочное осмысление власти в русской паремиологии в целом также негативно и позволяет выделить определенные установки – результаты жизненного опыта: «нельзя идти наперекор власти»; «простым и бедным людям власть не достается»; «власть жестока, особенно представители ее низших ступеней»; при этом

«осуществление власти – трудная задача»: чья власть, того и закон; у кого деньги, у того и власть; жалует царь, да не жалует псарь; легче за стадом ходить, чем стадо водить [Карасик, 2023, с. 48].

В современном городском фольклоре – в анекдотах – представители власти также подвергаются едкой критике. Подчеркнуто критическим в любую эпоху является также отношение к власти, представленное в интернациональной афористике, которая отражает точку зрения интеллектуалов: «Вождление власти – самая вопиющая из всех страстей» (Тацит); «Вообще говоря, власть не портит людей, зато дураки, когда они у власти, портят власть» (Б. Шоу) [там же, с. 51].

Таким образом, выбранный подход описания концепта позволяет автору охарактеризовать его как многомерный феномен и выявить те признаки, которые значимы для носителей языка и культуры в синхронии и в истории.

Полностью, как показано в монографии, концепт может быть описан только с учетом тематического поля ядерной леммы и ее сочетаемости. Такой подход создает картину концепта как энциклопедического явления, что важно для формирования лингвокультурной семантики. Например, концепт ‘дом’ в русском языковом сознании – это не только символ тепла, уюта. Тематическое поле концепта ‘дом’ в русском языке включает предметные значения: множество видов жилых и нежилых зданий, характеризующихся по разным параметрам позитивно или негативно. ‘Дом’ может быть большим и богатым (хоромы, дворец, домина, апартаменты) и более скромным (дом, квартира, жилплощадь, кров, крыша над головой, угол и др.), родным домом (очаг, пепелище, пенаты), очень бедным или неопрятным жильем (барак, нора, берлога), а также есть метонимическое понимание дома как рода, семьи, чаще – монархической династии (например, дом Габсбургов).

Значимые для лингвокультуры признаки концепта исследуются через сочетаемость ядерного слова, в которой фиксируются важные для носителей языка признаки: жилой пятиэтажный дом, дом № 19, каменный дом, деревянный дом, многоэтажные дома и деревянные домишки, собственный дом, купеческий дом, дом старинной постройки с мансардой. «Дом как место, где живут люди, имеет в русской лингвокультуре две важнейшие характеристики – тепло и уют. Тепло осмысливается буквально и фигурально, уют

понимается как “удобство, благоустроенность в домашней обстановке, в быту» [Карасик, 2023, с. 77]. Эти признаки подтверждаются текстами разной жанровой направленности, в том числе отмеченными в НКРЯ, а также через словарные иллюстрации и данные ассоциативных экспериментов.

Сопоставление сочетаемости разных языков позволяет выявить общность и различие лингвокультур в осмыслении концептов. Например, при общности основных признаков концепта ‘сад’ – ‘garden’ в русской и английской культурах их понимание не является одинаковым. Для англичан сад – продолжение дома, а значит, своего пространства, обычно небольшого, в котором используется каждый клочок земли; сад нуждается в постоянной заботе; уход за садом требует особых знаний и навыков. В русской лингвокультуре заметным признаком семантики концепта стала ностальгия о саде как о символе ушедшего счастья: «Возможно, это объясняется высокой значимостью пьесы А.П. Чехова “Вишневый сад” для русской культуры» [Карасик, 2023, с. 89].

Таким образом, в первой главе монографии последовательно реализуется установка на описание культурного концепта как явления, которое формируется разными речевыми жанрами, является для носителей языка вариантным и имеет в лингвокультуре как специфические черты, так и общие, объединяющие ее с другими лингвокультурами.

В главе 2 – «Нарративный функционал языка» – объектом анализа является смысловой и лингвокультурный потенциал сюжетов, реализуемых преимущественно в художественных текстах – авторских и фольклорных. В.И. Карасик подчеркивает: «Изучение сюжетов художественных текстов традиционно относится к сфере литературоведения <...>. Но поскольку сюжет представляет собой нарративное изложение событий, которые представляются важными для участников общения, можно выделить ценностное и, следовательно, лингвокультурное измерение тематических сюжетных линий и соотнести их с авторской, групповой или национальной аксиологической картиной мира в разных типах дискурса» [Карасик, 2023, с. 164]. Таким образом, для автора монографии на первое место при соотнесении сюжета с лингвокультурой выступает ценностная (аксиологическая) значимость описанных событий и персонажей для представителей лингвокультуры. В художе-

ственных текстах оценка репрезентируется через образы и мотивы, которые наделяются в культуре символическими смыслами. Повторяющиеся сюжетные мотивы определяются в монографии как нарративы. Нарративы обычно имеют длительную историю в культуре и опираются на архетипы и архаические мифы. В монографии В.И. Карасик исследует варианты подобных нарративов на материале вербальных текстов разных лингвокультур и эпох – поэтических и прозаических авторских произведений и фольклорных текстов. Среди проанализированных сюжетных мотивов авторских текстов – нарратив о вечной / возвращающейся молодости; нарратив о путешествии в прошлое; нарратив о полетах в космос; нарратив о близнецах. В монографии также исследуются сюжеты фольклорных произведений – армянских, ирландских и еврейских пословиц и армянских средневековых басен. Для сопоставления привлекается также материал кинематографических произведений.

При изучении повторяющихся в истории культуры сюжетных мотивов особое значение В.И. Карасик придает тому, насколько по-разному интерпретируется в авторских произведениях один и тот же нарратив в зависимости от выбранного автором вектора развития мотива. Другими словами, нарратив вариантен, в этом заключается его креативный потенциал. Например, нарратив о близнецах относится к одному из архаических мифологических сюжетов: он отражает возникновение дуализма в миропонимании, формирование противопоставления «Я – Другой», развитие мотива двойничества в разных направлениях. Среди векторов репрезентации нарратива о близнецах выделены следующие: карнавальное уподобление с последующим выяснением реальной ситуации (как в «Комедии ошибок» В. Шекспира); идея «зеркальности» в судьбе близнецов (как в романе Э. Кестнера «Еще одна Лотте», повествующем о девочках-близнецах, случайно встретившихся и обнаруживших, что у них общие разведенные родители). На мотиве двойничества основана повесть М. Твена «Принц и нищий», где ситуация случайного сходства двух мальчиков используется как возможность показать каждому из них неизвестную сторону жизни. В трагическом ключе развивается мотив двойничества в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»: по ее сюжету один из братьев-близнецов погибает, но другой находит друга, который является представителем другого народа и внешне на него не похож, но

становится ему «настоящим братом» [Карасик, 2023, с. 188]. В научной фантастике мотив близнецов развивается в особом векторе – как сюжет о клонах, т.е. о «дубликате» человека, и ставится вопрос о его сущности и праве на жизнь. В качестве примера этической трактовки идеи клонирования В.И. Карасик приводит американский художественный фильм «Шестой день» (The 6th Day, 2000) режиссера Р. Споттисвуда. Можно вспомнить также экранизацию (1972) А. Тарковским романа С. Лема «Солярис», в котором мотив клона любимой женщины главного героя стал основой для отстаивания приоритета земных человеческих ценностей над интересами науки.

Исследование паремиологического фонда трех лингвокультур – армянских, ирландских и еврейских пословиц – проводится в монографии с позиций общности или специфики выраженных в пословицах прескрипций относительно тех или иных жизненных ситуаций. Прескрипции, представленные в пословицах, в своем большинстве общечеловеческие, однако проявляются и особенности мировосприятия, местного колорита и истории народов. Так, лингвокультурную специфику армянских пословиц В.И. Карасик видит в их житейской направленности и во влиянии на их форму и содержание трудного исторического опыта народа, научившего «держаться своих» (Ворона мне понравилась, а я вороне нет; Лучше отдать дочь местному пастуху, чем чужому царю). Спецификой еврейских пословиц является их неразрывная связь с Библией и Талмудом. В системе ценностей еврейских пословиц особенно резко осуждается глупость (От дурака доказательств не жди; Бойся козла спереди, коня – сзади, дурака – со всех сторон). Ирландские пословицы отличаются маркированной ироничностью и резкостью в выражении назидания или совета (If you come up in this world be sure not to go down in the next – букв. «Если в этом мире ты высоко поднялся, смотри, не опустишь в следующем»; A shut mouth is sweet to hear – букв. «Приятно слушать закрытый рот»). Некоторые обусловлены обидой на англичан (Broken Irish is better than clever English – букв. «Ломаный ирландский лучше, чем умный английский»).

Интересна также другая отмеченная в монографии особенность. Известно, что пословицы выражают коллективный жизненный опыт, поэтому каждая из них, казалось бы, должна трактоваться

однозначно. Однако пословицы нередко допускают вариативность толкования, о чем писали С.С. Аверинцев и А.Ф. Лосев [Аверинцев, 1983; Лосев, 1995]. Это свойство характерно для немалого числа ирландских пословиц. Например, пословица *Put a beggar on horseback and he'll gallop* – букв. «Посади нищего на коня, и он поскачет галопом». Она может трактоваться, с одной стороны, как признание того, что человеку необходимы благоприятные обстоятельства, чтобы проявить себя. С другой – она может пониматься как негативное утверждение о том, что повезло недостойному человеку.

Материал исследованных в монографии пословиц, безусловно, интересен, в каждой из лингвокультур с их помощью выделены характерные особенности. В целом же выводы подтверждают сложившуюся точку зрения относительно семантики и образности паремий: они частично общие для разных лингвокультур – или по значению, или по образам, или по обеим составляющим, частично же выражают специфику мировосприятия и условий жизни народа – носителя языка.

В.И. Карасик также анализирует сюжетную символику армянских авторских басен, написанных в XII–XIII вв. (авторы басен – Мхитар Гош и Вардан Айгекцский). Функциональную специфику жанра басни В.И. Карасик формулирует следующим образом: «Назначение иносказания – изложить назидание в форме, требующей некоторых усилий для понимания. По своей тематике такие нарративы отражают распространенные ситуации выхода из затруднительного положения, отношения между народом и властью, а также парадоксальность и непредсказуемость» [Карасик, 2023, с. 233]. Обнаруживаются интертекстуальные пересечения содержания и образов средневековых армянских басен с баснями других народов; об этом говорят и их названия: «Волк и ягненок», «Медведь и лиса», «Осел в львиной шкуре». Самобытность армянских басен, использующих межкультурный фонд образов, состоит, по мнению автора монографии, в призыве суметь выжить в самых тяжелых условиях.

В главе 3 – «Дискурсивный функционал языка» – В.И. Карасик рассматривает, во-первых, коммуникативные характеристики дискурса, во-вторых, культурные характеристики дискурса, в-третьих, жанровые характеристики дискурса. Также автор особое внимание

уделяет дискурсивному потенциалу поэтического текста и дискурсивному потенциалу стилистических приемов.

Объясняя интерес к дискурсивному функционалу языка, автор монографии отмечает, что сегодня «дискурсивное осмысление языковых функций представляет собой развитие коммуникативного подхода к пониманию и описанию языка и включает векторы ситуации, ее участников и используемого кода, т.е. речи, погруженной в жизнь, по Н.Д. Арутюновой, или текста, погруженного в культурно релевантные обстоятельства...» [Карасик, 2023, с. 279].

Как и другие исследователи роли языка в человеческом социуме, В.И. Карасик признает коммуникативную функцию языка важнейшей: «Рассматривая функции языка, исследователи едины в признании коммуникативной функции в качестве важнейшей объяснительной причины существования языка» [Карасик, 2023, с. 236]. Исследователь ставит перед собой задачу найти ответ на вопрос: каковы основные направления реализации этой функции? В качестве таковых в монографии рассматриваются три: воздействие, информирование и самовыражение участников общения. При этом, «воздействие представляет собой целенаправленное влияние – активность субъекта, направленную на изменение мнения, установок и поведения кого-либо; информирование – это передача и восприятие определенных сведений, самовыражение – понимается как произвольное и намеренное построение своего образа в сознании партнера по общению» [Карасик, 2023, с. 236]. Автор отмечает, что в разных областях гуманитарного знания, а также в разных типах дискурса наполнение рассматриваемых им понятий может варьироваться. Так, основное различие в понимании информирования состоит «в понимании новизны как ключевого момента передаваемой информации» [Карасик, 2023, с. 236)].

Отметим, что многие исследователи обращались к роли языка в обществе и выделяли разные функции языка, предлагая весьма оригинальные авторские теории. Несомненным достоинством данного исследования следует признать тот факт, что автор компактно обобщил имеющиеся на сегодняшний день концепции и на их основе предложил свою.

Так, при описании механизма воздействия как одной из реализаций коммуникативной функции языка, В.И. Карасик ссылается на разработанные ранее теории, признавая, что «изложенные

концепции воздействия как коммуникативного феномена представляются обоснованными, но могут быть уточнены и дополнены» [Карасик, 2023, с. 237].

Описывая коммуникативную функцию языка, В.И. Карасик использует метод фрактального моделирования этой функции, в основе которого лежит выделение базовых и вторичных характеристик ее основных векторов. К числу базовых исследователь относит субфункции первого порядка (воздействие, информирование и самовыражение) и делает вывод, что воздействие фрактально конкретизируется в субфункциях второго порядка (принуждение, убеждение и манипуляция). Каждая из этих субфункций уточняется и специфически выражается в разных типах дискурса, что иллюстрируется в монографии достаточным количеством примеров с подробным их описанием. В частности, убеждение проявляется во внушении, аргументации и уговаривании.

Рассматривая самовыражение в качестве дискурсивного феномена, автор признает самовыражение одной из вторичных функций коммуникативной функции языка, которая специфически проявляется в разных типах дискурса. Самовыражение в художественном дискурсе, как отмечает В.И. Карасик, заслуживает особого описания, поскольку «в значительной мере определяет тип этого общения» [Карасик, 2023, с. 252].

В работе описаны три разновидности самовыражения: произвольное, намеренное и завуалированное. «Произвольное самовыражение прослеживается во всех типах дискурса, в максимальной мере оно присуще обиходному общению, в минимальной – политическому (и другим типам коммуникации, предполагающим высокую ответственность за сказанное). Намеренное самовыражение состоит в построении и продвижении своего имиджа; такие имиджи соответствуют определенным психотипам личностей и аффилиации этих личностей с той или иной организацией... Завуалированное самовыражение представляет собой осложненную разновидность намеренной самопрезентации и отличается от произвольного и намеренного предьявления себя в общении тем, что является двуплановым типом коммуникации и в этом отношении может рассматриваться как разновидность манипуляции» [Карасик, 2023, с. 252–253]. Феномен самовыражения также проиллюстрирован многими примерами текстов, принадлежащих разным типам дискурса.

Еще одно направление исследований дискурса и, следовательно, коммуникативной функции языка, привлекшее внимание В.И. Карасика, дискурсивная конвергенция, представляющая собой объединение разных типов дискурса, и ее разновидности. Рассматривая конвергенцию как дискурсивный феномен, В.И. Карасик подчеркивает сложность и многомерность дискурса как коммуникативного феномена и выделяет несколько направлений интердискурсивного моделирования институционального общения: 1) популярная адаптация; 2) теоретическое углубление; 3) эволюция и инволюция; 4) экспансия; 5) ритуализация; 6) презентация [Карасик, 2023, с. 253–259].

Помимо коммуникативных характеристик дискурса, особое внимание, по мнению исследователя, сегодня должно быть уделено культурным характеристикам дискурса, напрямую связанным с осмыслением реальности, что, в свою очередь, является важнейшим этапом освоения действительности. К культурным характеристикам дискурса исследователь относит партиципацию, мистификацию и точность. Отмечается, что партиципация лежит в основе стереотипов поведения. Она встречается в обиходном, научном и художественном общении. Особое внимание в монографии уделяется художественной партиципации как наиболее интересной ее разновидности. На примерах из художественных текстов, в том числе переводных, В.И. Карасик показывает, что «тотальная партиципация явлений и событий является необходимым условием для осмысления переживаемой реальности. Такая сопричастность может быть представлена как креативное, метафорическое и интертекстуальное умножение реальности» [Карасик, 2023, с. 272].

Еще один дискурсивный феномен привлекает внимание исследователей благодаря своей возрастающей сегодня частотности – мистификация. Мистификация, т.е. намеренный обман широкой публики, касающийся вопросов высокой культуры и науки, может быть определена как коммуникативное событие, в основе своей демонстрирующее несоответствие между тем, что говорится (показывается), и тем, что происходит на самом деле. Как отмечает автор монографии, «мистификация смыкается с розыгрышем в обиходном дискурсе и фейком в медийной коммуникации и распадается на определенные функциональные разновидности, обусловленные стремлениями замаскироваться, либо остаться неза-

метным, либо позабавить публику, либо прославиться без необходимой подготовки» [Карасик, 2023, с. 278–279].

Дискурсивная точность представляет собой функционально обусловленное соотношение содержания речи и категории общения и специфична для разных его типов. Дискурсивная точность зависит от типа текста: в обиходном общении дискурсивная точность состоит в установлении однозначного понимания эмоционального состояния и интенций участников общения; в художественной коммуникации – в достижении фацинативного воздействия на адресатов с помощью различных знаков, имеющих символический смысл; в деловом общении – в соблюдении жанровых канонов различных типов институционального взаимодействия; в научном дискурсе – в выявлении существенных характеристик познаваемой реальности и их закреплении в формульных знаках.

Отмечается, что отклонения от дискурсивной точности могут быть намеренными и помимовольными и состоят в нарушении уместности использования тех или иных способов и средств общения, произвольном толковании содержания используемых знаков, содержательной рекурсивности информации (в банальности и тавтологичности), в неуместной транспозиции жанров, в логической несостоятельности высказываний, превращающих коммуникацию в абсурд.

Описывая жанровые характеристики дискурса, В.И. Карасик предлагает рассмотреть такие явления, как диффамация в медийно-сетевом дискурсе, читательский комментарий в медийно-сетевом дискурсе, дискурсивная специфика отречения, дискурсивная специфика капитуляции, дискурсивная специфика настенного изречения.

Воздействие как реализация одной из важнейших функций языка может быть осознанным и неосознанным, акцентированным и фоновым, направленным во благо адресату и злонамеренным. Диффамация, т.е. публичное распространение информации о ком-либо, наносящее ущерб репутации этого человека, представляет собой злонамеренное коммуникативное воздействие. В обиходном плане диффамация, реализуемая в медийно-сетевом дискурсе, смыкается с оскорблением и клеветой в силу эмоционально-оценочной гипертрофии этого коммуникативного действия.

Другим важным инструментом воздействия следует признать жанр, появившийся относительно недавно, – читательский комментарий. В медийно-сетевом дискурсе он представляет собой особый жанр общения, основными целями которого являются поддержание коммуникации, уточнение информации, ее оценочная квалификация и самовыражение. В этом жанре реакции читателей в основном сводятся к оценке фактуального содержания материала, поддержке либо критике блогера и демонстрации своего Я. Разговор ведется, как правило, на сокращенной коммуникативной дистанции. Жанр следует признать активно развивающимся. Отмечается, что часто, уточняя информацию, читатели демонстрируют профессиональную эрудицию, что также можно считать характеристикой жанра. Среди актуальных тем жанра читательского комментария В.И. Карасик упоминает социальные проблемы, исторические факты, литературные сюжеты, вопросы экологии, влияние технического прогресса на развитие человечества. При обсуждении фактуального содержания блогов читатели показывают свою заинтересованность темой, а в самовыражении доминирует ироническая тональность.

Как заслуживающий особого внимания исследователей, в монографии описывается жанр отречения. Отречение как дискурсивный феномен, по мнению В.И. Карасика, представляет собой сложное коммуникативное действие, семантика которого состоит в выражении намеренного демонстративного отказа от своих прав, убеждений, связей с кем-либо; прагматика этого поступка заключается в его перформативности, необратимом изменении положения дел. Жанр отречения возможно изучать с разных позиций, но концептологический подход к изучению отречения дает возможность определить квалификацию этого поступка в сознании коммуникантов как предательства, как проявления слабости, как легитимного права на его совершение. Проанализировав ряд текстов, созданных в жанре отречения, исследователь приходит к выводу о том, что типажным воплощением здесь выступает ренегат, при этом существенным признаком его поведения является его самоосуждение. В качестве дискурсивного явления отречение находит выражение в различных коммуникативных ситуациях, наиболее типичными из которых являются сферы политики, религии, науки.

В медийном дискурсе происходит жанровое слияние отречения и опровержения.

Еще один жанр, изучению которого в монографии отводится отдельная подглавка – акт о капитуляции, т.е. официальное публичное признание сложившегося положения дел, включающее конкретизацию действий, вытекающих из такого признания (разоружение армии, назначение исполнителей, которые будут отвечать за соблюдение передачи оружия, контроль за недопущением противодействия победителям), а также констатацию возможных санкций в случае несоблюдения капитуляции. В качестве примера рассматривается нарратив капитуляции Германии во Второй мировой войне. Жанровая специфика обращения правительства о принятом решении прекратить сопротивление включает сообщение о высокой самооценке действий руководства страны.

Еще один жанр – настенное изречение, или *вандшпрух* (Wandspruch, букв. изречение в рамочке на стене), является характерной особенностью немецкой культуры. Этот жанр текстов, отмечает В.И. Карасик, изначально назидателен и по своей основной функции соотносится с пословицами (более подробно см. [Абакумова, 2012; Бочина, 2002; Ваганова, 2002; Ничипорчик, 2015; Карлик, 2013 и др.]).

Будучи обязан своим появлением немецкой лингвокультуре, получив затем распространение в англоязычной культуре (в частности, в США), сегодня этот жанр находит распространение в Интернете. В настоящее время жанр находится в состоянии динамики – назидания в значительной мере преобразуются в шуточные высказывания, порой противоречащие изначальной цели этого жанра, и дополняются картинкой.

Заслуживает внимания раздел о дискурсивном потенциале поэтического текста, особенно ярко потенциал проявляется при переводе поэтического текста из одной лингвокультуры в другую: «Поэтическое самовыражение через иную культуру представляет собой осмысление и переживание ключевых особенностей мировосприятия другого народа, его судьбы, истории, быта и языка» [Карасик, 2023, с. 354]. В то же самое время поэтический текст может включать в себя комический абсурд, который автор монографии называет «поэтическим абсурдом», видя в нем инструмент преодоления бессмысленности бытия: «...этот тип комизма соответствует

картине мира мудрого созерцателя, признающего наличие необъяснимых и неподконтрольных вещей, но не впадающего в депрессию» [Карасик, 2023, с. 380]. Своим появлением поэтический абсурд обязан постмодернистскому миропониманию, когда усиливается экзистенциальный абсурд бытия и увеличивается игровая составляющая.

Дискурсивным потенциалом, по мнению автора монографии, обладают и стилистические приемы, в частности, особое внимание уделяется катахрезу и оксюморону: «Важными коммуникативными средствами расширения смыслов являются произвольная катахреза (намеренное переосмысление значения слова, которое по своей функции может быть комическим, иллюстративным, парольным и поэтическим) и оксюморон, используемый в обиходном общении и публицистике для достижения комического эффекта, а в афористике и поэзии для парадоксального выражения нового смысла» [Карасик, 2023, с. 409].

В заключение В.И. Карасик отмечает, что антропологическая лингвистика изучает язык как проявление сущности человека, и подчеркивает, что дискурсивный функционал языка можно определить как ситуативно-жанровую контекстуализацию общения.

Автор признает, что обозначенные направления языкового преобразования реальности не исчерпывают содержания антропологической лингвистики, аксиологической лингвистики, лингвокультурологии, теории языковой личности и теории дискурса.

Список литературы

- Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2012. – 354 с.
- Аверинцев С.С.* Символ // *Философский энциклопедический словарь*. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – С. 607–608.
- Бочина Т.Г.* Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 196 с.
- Ваганова Е.Ю.* Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 20 с.
- Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропологической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
- Карасик В.И.* Языковая лестница познания. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – 462 с.

- Карасик В.И.* Языковое преобразование реальности. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – 500 с.
- Карлик Н.А.* Теоретические основы выявления суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2013. – 28 с.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. – Москва : Знак, 2012. – 208 с.
- Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – Москва : Искусство, 1995. – 329 с.
- Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в поговорках. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
- Степанов Ю.С.* Концепты: тонкая пленка цивилизации. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

References

- Abakumova O.B. *Poslovice v jazyke, soznanii i komunikacii* [Proverbs in language, consciousness and communication]. St. Petersburg: Alef-Press, 2012. 354 p. (In Russian)
- Averintsev S.S. Simvol [Symbol]. In *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. St. Petersburg: Sov. entsiklopedia, 1983. P. 607–608. (In Russian)
- Bochina T.G. *Stilistika kontrasta: Oчерki po jazyku russkikh poslovits* [Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2002. 196 p. (In Russian)
- Vaganova Je.Ju. *Aforizm kak tip teksta v aspekta intertekstual'nosti* [Aphorism as a type of text in the aspect of intertextuality]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. St. Petersburg, 2002. 20 p. (In Russian)
- Vorkachev S.G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', kontsept: stanovlenie antropologicheskoj paradigmy v jazykoznanii [Linguoculturology, language personality, concept: the formation of anthropological paradigm in linguistics]. In *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 2001. N 1. P. 64–72. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovaja lestnitsa poznanija* [The language staircase of cognition]. Moscow: The State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin, 2002. 462 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovoje preobrazovanie real'nosti* [The language transformation of reality]. Moscow: The State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin, 2023. 500 p. (In Russian)
- Karlik N.A. *Teoreticheskie osnovy vyjavlenija suggestivnogo potenciala maloformatnyh aforisticheskikh tekstov* [Theoretical foundations for identifying the suggestive potential of small-format aphoric texts]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. St. Petersburg, 2013. 28 p. (In Russian)
- Kubryakova Je.S. *V poiskah sushchnosti jazyka: kognitivnyje issledovanija* [Looking for language essence: Cognitive research]. Moscow: Znak, 2012. 208 p. (In Russian)

- Losev A.F. *Problema simvola I realističeskoje iskusstvo* [The problem of symbol and realism in arts]. Moscow: Iskusstvo, 1995. 329 p. (In Russian)
- Nichiporchik E.V. *Otrazhenie cennostnyh orientacij v paremijah* [Reflection of value orientations in proverbs]. Gomel': GGU im. F. Skoriny, 2015. 358 p. (In Russian)
- Stepanov Ju.S. *Kontsepty: tonkaja pljonka tsivilizatsii* [Concepts: A thin film of civilization]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 248 p. (In Russian)

ЯКОВЛЕВА Э.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
ИСАКОВА Л.Д. МНОГООБРАЗИЕ ЯЗЫКОВ
В ИХ ВАРИАТИВНОСТИ. –
Москва: Проспект, 2022. – 176 с.**

Аннотация. В монографии Л.Д. Исаковой объектом исследования выступает многообразие языков и феномен вариативности как их неотъемлемое, имманентное свойство. Языковая вариативность проявляется в разных видах: бытовании большого количества языков, диалектов, наречий, говоров; использовании разных вариантов употребления языковых единиц: синтаксических конструкций, лексики, артикуляционного и просодического оформления и т.д.

Особое внимание уделяется типологии языков, рассматриваются различные подходы к их типологической классификации, раскрывается соотношение инварианта и вариантов.

В качестве основных аспектов проявления вариативности языка рассматриваются: территориальная вариативность, типологическая система языка, стилистическая дифференциация, языковая картина мира. Феномен вариативности иллюстрируется большим количеством примеров на материале разных языков мира.

Ключевые слова: многообразие языков; вариативность; типологическое разнообразие языков; территориальная вариативность; полицентрические языки; стилистическая дифференциация языков; языковая картина мира.

---

¹Яковлева Эмма Борисовна – д-р филол. наук, заведующая отделом языкознания ИНИОН РАН; jakovlevaemma@mail.ru

Для цитирования: Яковлева Э.Б. Рецензия на монографию : Исакова Л.Д. Многообразие языков в их вариативности. – Москва : Проспект, 2022. – 176 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2024. – № 1. – С. 97–110. – DOI: 10.31249/ling/2024.01.06

YAKOVLEVA E.B.¹

REVIEW OF THE MONOGRAPH:
ISAKOVA L.D. THE DIVERSITY OF LANGUAGES IN THEIR VARIABILITY. –
Moscow: Prospekt, 2022. – 176 p.

Abstract. In L.D. Isakova's monograph, the object of research is the diversity of languages and the phenomenon of variability as their inherent, immanent property. Linguistic variability manifests itself in different types: the existence of a large number of languages, dialects, dialects, dialects, the use of different variants of the use of linguistic units: syntactic constructions, vocabulary, articulatory and prosodic design, etc.

Particular attention is paid to the typology of languages, various approaches to their typological classification are considered, the ratio of invariant and variants is revealed.

The main aspects of the manifestation of the variability of the language are considered: territorial variability, the typological system of the language, stylistic differentiation, the linguistic picture of the world. The phenomenon of variability is illustrated by a large number of examples based on the material of different languages of the world.

Keywords: diversity of languages; variability; typological diversity of languages; territorial variability; polycentric languages; stylistic differentiation of languages; linguistic picture of the world.

For citation: Yakovleva E.B. Review of the monograph: Isakova L.D. The diversity of languages in their variability. Moscow: Prospekt, 2022. 176 p. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 1. P. 97–110. DOI: 10.31249/ling/2024.01.06

Языковое разнообразие всегда находилось в центре внимания ученых. Сходства и различия между языками, их историческая судьба, генетическое и типологическое родство, вопросы вариативности, языковая картина мира и т.д. и сейчас являются предметом неослабевающего интереса исследователей.

---

¹*Yakovleva Emma Borisovna* – Doctor of Philology, Head of the Linguistics Department of INION RAN; jakovlevaemma@mail.ru

Монография Л.Д. Исаковой является наглядным примером такого внимания к проблеме одного из важнейших имманентных свойств языка – вариативности, совершенно по-разному манифестирующейся в разных языках. Языковая вариативность проявляется в разных видах: бытовании большого количества языков, диалектов, наречий, говоров, использовании разных вариантов употребления языковых единиц: синтаксических конструкций, лексики, артикуляционного и просодического оформления и т.д.

В работе рассматривается соотношение инварианта и вариантов. В качестве основных аспектов проявления вариативности языка рассматриваются: территориальная вариативность, типологическая система языка, стилистическая дифференциация, языковая картина мира. Л.Д. Исакова иллюстрирует феномен вариативности на масштабном материале разных языков мира.

Монография состоит из пяти глав: 1. «Введение в вариативность языка»; 2. «Территориальная вариативность»; 3. «Внутреннее устройство языков»; 4. «Стилистическая дифференциация языков»; 5. «Языковая картина мира».

В первой главе, вводя читателя в проблематику вариативности языка, автор рассматривает такие вопросы, как коммуникативная сущность языка, свойство вариативности, ее виды.

Коммуникативная сущность языка имеет самые разнообразные проявления. Это и устное общение между людьми, и разнообразные письменные жанры с использованием различных технологий, и создание письменных литературных и документальных источников, и публичные обращения в языковой форме к другим людям.

Коммуникация осуществляется в определенном социуме, в котором бытует определенный язык. Вариативность всех языков мира как средства общения в пределах одного социума, включающих и отдельные наречия небольших групп носителей языка, очень велика.

Автор справедливо ставит вопрос о необходимости при изучении проблемы вариативности обращения к рассмотрению социально-статусного многообразия языков, поскольку данный вопрос тесно связан с такими понятиями, как государственный язык, национальные разновидности того или иного языка, язык регионального общения, языки эмигрантов и иммигрантов, международный язык, диалект языка, наречие, социолект, этнолект и отсюда – с

другими понятиями: языковая ситуация, языковая политика, языковой менеджмент, языковой империализм, лингвоцид, языковая миноритарность, мажоритарность и др.

Помимо статусного выделения языка как средства общения определенной группы людей, важным для рассмотрения его функционирования является наличие идиолектов, обнаруживающих целый набор вариативных индивидуальных проявлений в использовании языка, при этом сохраняющих определенную статичность, позволяющую осуществлять коммуникацию.

Для коммуникации между людьми важно достижение понимания. Следовательно, естественно стремление к постоянному совершенствованию языковых возможностей, осуществляемому в разных формах, помогающих пониманию.

Способность человека к овладению языком является врожденной [Пинкер, 2004]. Он может владеть несколькими языками. Степень владения ими различна как у одного человека, так и у группы людей. Тем не менее это предполагает возможность участия в разных видах коммуникации – восприятию и пониманию, передаче информации на определенном языке.

Двуязычными или многоязычными могут быть не только индивиды или их группы, но и целые государства, языковые сообщества, в которых утверждены в качестве официальных два и более языков на государственном или региональном уровнях [Исакова, 2022].

Билингвизм как двуязычие и полилингвизм как многоязычие в пределах одной социальной общности распространены в регионах проживания одного этноса в окружении другого или других, практикующих другие языки. Исконный язык этноса сохраняется благодаря его использованию в семье, в среде общения на одном национальном языке. Однако при постепенной ассимиляции родной язык ассимилирующегося этноса также постепенно приобретает пассивные черты, в отличие от активного владения языком титульной нации на данной территории. При контактировании языков и у языка титульной нации, и у ассимилирующегося языка неизбежно проявляются черты интерференции, влияния нормы одного языка на другой.

Адстратное существование народов или отдельных социумов приводит к естественному взаимовлиянию языков. В зонах

активного контактирования наблюдается даже их смешение. При этом могут возникать совершенно новые формы языков. Так, пиджины представляют собой упрощенный вид языка-источника для межэтнического общения смешанного населения. Они появляются в случае возникновения ситуации, требующей общего языка для отдельных этнических групп, говорящих на разных языках. На основе пиджинов формируются креольские языки, они становятся родными для последующих поколений этноса, использовавших родной язык и пиджин.

Рассматривая свойство вариативности языка, Л.Д. Исакова отмечает, что любой язык вариативен [Исакова, 2022, с. 21]. Вариативность – неотъемлемый признак существования как языка в целом, всех его аспектов, так и каждого отдельно взятого языка в совокупности всех используемых средств. Именно вариативность языка позволяет его употребление в точном соответствии с коммуникативными намерениями и с проявлением индивидуальных особенностей коммуникантов.

Языковая вариативность имеет иерархическую структуру. С одной стороны, наблюдаются варианты функционирования языковых единиц или языковых подсистем для выполнения одной функции. С другой – данные варианты, представленные обобщенно, являются инвариантами, которые, в свою очередь, воплощаются в конкретных вариантах использования языковых единиц или языковых подсистем, как отмечает автор.

Инвариант имеет важное значение для исследования вариативности. Он позволяет упорядочить явление вариативности, выявить ее объем, конфигурацию, осуществить сопоставление ее проявлений как в отдельно взятом языке, так и в разных языках [Исакова, 2022, с. 22].

Для упорядочивания вариативности языка требуется его нормирование. Норма это определенное ограничение вариативности языка, упорядочивающее его употребление и действующее для всего социума, говорящего на данном языке. Однако и сама норма предлагает возможные варианты употребления. Вариативность нормы, а также ее изменчивость неизбежны, так как она находится под влиянием узуса – речевой практики, реального использования языка, который находится в постоянной динамике.

Вариативность имеет разносторонний характер и наблюдается на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом, семантическом, стилистическом, на пересечении уровней, во всех языковых аспектах. Каждый из названных видов вариативности представляет сложноорганизованный феномен, отдельно взятый вид вариативности имеет свою конфигурацию, но они взаимообусловлены и пересекаются между собой.

Во второй главе в фокусе внимания Л.Д. Исаковой находится территориальная вариативность языка.

Нормой стандартного использования какого-либо языка является литературный язык. Кодификация литературного языка в какой-то период времени и его дальнейшее развитие находятся под влиянием отдельных территориальных вариантов. Вариант языка со всеми присущими ему традиционными характеристиками, бытующий в определенном регионе, представляет региональную разновидность языкового стандарта, в целом мало отличающуюся от него по основным параметрам. Отличия затрагивают фонетические особенности, отдельные лексемы и их сочетаемость, иногда некоторые грамматические структуры, традиционно употребляющиеся в данном регионе, и не нарушают осуществление коммуникации.

Исторически сложившиеся в пределах одной территории диалекты – это разновидности языка, которые длительное время являются средством общения для групп населения на определенной территории, имеют целый комплекс характерных для данной разновидности языка черт, отличающих их от общего языкового стандарта.

При современных процессах интеграции и несомненном возрастании роли стандартного языка значимость диалектов сохраняется. Их сохранение как средства общения обуславливается и поддерживается сохранением общей культуры, давних традиций проживающего на одной территории социума. На многочисленных примерах бытования диалектов в разных странах Л.Д. Исакова иллюстрирует их витальность и характеризует такие понятия, как стандартный национальный язык, региональный вариант, локальный вариант, диалект, указывая, что при рассмотрении территориальной вариативности необходимо учитывать ее соотношение и функционирование социолектов, объединяющих носителей языка

на основе соответствующих задач социального бытования языка, а также сглаживания территориальных противопоставлений у образованной части населения, в отличие от менее образованной [Исакова, 2022, с. 39].

Распространение глобализации, увеличение меж- и внутринациональных контактов неизбежно ведут к росту значимости *lingua franca*, закреплению стандартной формы национальных языков. Тем не менее региональные формы языка в самом разном виде в разных странах не теряют своей витальности. На фоне самостоятельного практического развития этих форм языка государством предпринимаются также дополнительные усилия для их фиксации и сохранения.

Язык, используемый в качестве официального на разных территориях, является полицентрическим (плюрицентрическим). Государства-сообщества, использующие его, вырабатывают свои нормы для данного языка, именуемые стандартными языковыми вариантами. Стандартные территориальные разновидности одного языка в целом характеризуются общностью грамматической системы, общим лексическим инвентарем, сходным произношением. Автономное территориальное развитие языка создает предпосылки для характерных различий, которые тем не менее не затрагивают принципиально общие характеристики языка. Автор приводит многочисленные примеры плюрицентрических языков, обнаруживающих территориальную вариативность, имеющих статус государственных.

Распределению языков на разных территориях, по мнению К. Ренфрю [Renfrew, 1994], способствуют четыре процесса: начальная миграция населения с места зарождения человечества; распространение и закрепление земледелия; изменения климатических условий; завоевание новых территорий с распространением нового доминантного языка.

В третьей главе, анализируя внутреннее устройство языков, Л.Д. Исакова рассматривает вопросы типа языка, типологического разнообразия языков, тенденции типологического развития.

Тип языка определяется как способ использования языком средств различных языковых уровней для выражения содержательного компонента. Выделять типы языков и определять их типологию, как указывает автор, можно относительно любого язы-

кового признака [Исакова, 2022, с. 49]. Как правило, обычно рассматривается в первую очередь грамматический аспект, поскольку именно грамматические правила сочетания языковых элементов характеризуют внутреннюю структуру языка.

Типологическое рассмотрение может быть внутриуровневым, межуровневым, целносистемным. Оно может быть направлено на формальную структуру языка, его содержательную характеристику или обе стороны языка во взаимосвязи. Исследование осуществляется относительно отдельных свойств языков и целостных языковых систем, внутриуровневой характеристики и межуровневых признаков одного языка, группы языков и всех языков мира, структурных свойств языка и континентальных параметров, синхронного и диахронного состояния, типологической характеристики языка в определенный период времени и наблюдаемых тенденций типологического развития. Существующие подходы к типологическим исследованиям дополняют друг друга. Наличие разных подходов к типологическому описанию языков позволяет выявить типологические особенности языков с разных сторон.

Л.Д. Исакова в качестве иллюстрации возможных способов типологического анализа языков приводит типологические учения Г.А. Климова, В.М. Солнцева, Г.П. Мельникова, А.М. Ефремова, В.А. Родионова, В.Д. Аракина, В.А. Плуныяна, А.Е. Кибрика, А. Вежбицкой, Дж. Гринберга и др.

По внутреннему устройству языки весьма вариативны. Типологические классификации основываются на определенном параметре: отдельно взятом признаке, целостной языковой системе, внутриуровневой характеристике, межуровневом взаимодействии.

Типологическая классификация обуславливает выделение соответствующих типов языков. Выделяются флективные, агглютинативные, изолирующие языки [Schlegel, 1818, Гумбольдт, 1984]. Данная классификация претерпевала изменения. Согласно функционированию формально-грамматических элементов языки подразделяются на два макротипа: чисто реляционные и смешанно-реляционные [Сепир 1993]. В рамках цельноформальной типологии языки подразделяются также на два структурных макротипа: формосвязывающие и формоизолирующие [Солнцев, 1995]. В формосвязывающих языках для синтаксической связи слов преимущественно используются грамматические формы слов. В формоизолирующих

языках для связи между словами используются синтаксические средства – порядок слов, служебные слова. Цельносистемная характеристика изолирующих языков – это изоляция как тип связи слов в предложении без использования морфологических форм, т.е. в языках изолирующего строя наблюдается усиление значимости синтаксиса.

Языки делятся на аналитические и синтетические. Под признаками аналитических языков часто понимаются черты изоляции как невыраженности отношений между словами и формами слов. К синтетическим (синтетико-морфологическим) языкам относятся языки, обладающие синтетико-морфологическими категориями. Для таких языков характерна «синтетическая» (т.е. флективная и агглютинативная) морфология [Кацнельсон, 1972].

Кроме того, языки делятся по способу выражения грамматических отношений внутри слова или вне его на флективные и аналитические [Поливанов, 1934]. К последним относятся аморфные, агглютинативные, полисинтетические (инкорпорированные) языки.

По способу выражения субъектно-объектных отношений в языке выделяются классный, активный, эргативный и номинативный типы языка.

Исследование языковых типов, их выделение, обнаружение взаимообусловленных свойств в пределах одного типа, выведение закономерностей преобразования типологической структуры языка дают обобщающие признаки типологии языка.

Типологическая вариативность языка имеет динамический характер. Тип языка не является навсегда устоявшимся и неизменным. В любом языке отмечаются признаки разных типов. Их соотношение может меняться, в языке могут получать развитие признаки нового типа, а также в определенный период могут наблюдаться те или иные тенденции типологического развития. Но при этом типологическая характеристика языка – это явление устойчивое.

Сходному типологическому развитию языков способствует и генетическое родство. Генетически дальнородственные разноструктурные языки могут объединяться в один тип, например: славянские, германские, романские образуют один флективно-индоевропейский тип [Широкова, 2000].

Возможности типологического развития языков отражают сложность их внутренней структуры, динамику функционирования и взаимодействия с внеязыковыми факторами.

Четвертая глава монографии, самая объемная, посвящена стилистической дифференциации языков. В данной главе Л.Д. Исакова обращается к освещению таких вопросов, как содержание стилистических различий, уровень выразительных средств, социологический подход, соответствие функциональной задаче, соотношения стилистических свойств.

Стилистическая дифференциация языка это выделение множества разнообразных подсистем и вариаций его непосредственного функционирования, которые не имеют четких границ. Именно стилистическое разнообразие придает языку необъятную вариативность его проявления.

Отмечается, что в рамках стилистики вариативность языка необъятна [Исакова, 2022, с. 81]. На разнообразный выбор языковых средств влияет цель обращения говорящего к партнерам, количество коммуникантов, способ коммуникации, ситуация, в которой осуществляется коммуникация, физическое и психологическое состояние коммуникантов, отношения между ними, владение языком продуцента речи и языком реципиента, владение стилистическими возможностями и правилами построения речи.

Стилистическая дифференциация языка создается всеми его аспектами во взаимодействии. Стилистические средства соответственно представлены всеми единицами языка и условиями их сочетания.

Выбор единиц на всех уровнях языка позволяет передавать определенный колорит изображаемой ситуации, особенности ситуативного фона употребления: территориального, исторического, социального, национального и т.д.

Говоря о выразительных средствах языка, автор отмечает, что они создают оригинальность отдельных высказываний и текстов [Исакова, 2022, с. 85]. Выбор выразительных средств речи зависит от выбора соответствующего стиля речи: высокого, нейтрального или сниженного. Высокий стиль показывает возвышенное отношение к сказанному. Нейтральный стиль не несет специальной выразительной нагрузки, передает коммуникативную информацию без ярко выраженной эмоциональной или оценочной

окраски. Сниженный стиль речи допускает фамильярную модальность к коммуникативной ситуации. Выбор языковых средств в данном случае подвержен меньшей избирательности.

На стиль речи оказывают влияние социальные компоненты коммуникативной ситуации: принятые в определенном социуме нормы поведения, восприятие социальной значимости ситуации общения, статус коммуникантов и их отношение к социальному статусу коммуникативных партнеров, индивидуальные характеристики коммуникантов как членов социума.

Особенности поведения участников речевой коммуникации отражают прежде всего исторически сложившиеся национальные проявления в самых разных коммуникативных ситуациях. При общении представителей разных стран важную роль играют установившиеся стереотипы восприятия других национальностей, в том числе и восприятие их языков.

Стилистически окрашенное употребление языковых средств подвержено влиянию множества внутренних социальных факторов: пол коммуникантов, возраст, социальное положение, профессия, уровень образования и культуры, принадлежность к социальной группе, семейные и национальные традиции. Межличностные отношения, интересы и т.д. Следует учитывать, что проявление отдельных социальных факторов обнаруживает тесную взаимосвязь.

Вариативность языка позволяет выбирать средства, точно отвечающие потребностям выражения функциональной задачи высказываний, под которой понимается «некоторая обобщенная типизированная цель коммуникации» [Исакова, 2022, с. 100]. Основу функционально-стилистической дифференциации языка создают социальные факторы, возникновение социальной необходимости в данной дифференциации.

Стилистика речи определяет способ высказывания. Выбор языковых средств зависит от многих факторов, которые, в свою очередь, взаимосвязаны. Высказывания отражают функционально-стилистическую задачу, для чего используются средства, отражающие соответствующий функциональный стиль. При этом выразительные средства языка дополняют выполнение функциональной задачи. Вариативность данного взаимодействия проявляется по-разному в соответствии с особенностями системы определен-

ного языка, его историческим развитием, возможностями и традициями употребления стилистических приемов.

Пятая, заключительная, глава монографии посвящена языковой картине мира. Автор отмечает, что свойства любого языка связаны с культурой данного социума [Исакова, 2022, с. 114–115]. В наибольшей степени данная связь проявляется в вариативности языковых картин мира. Они представляют на языковом уровне концептуальные картины мира как отражение человеком окружающего его мира. В концептуальных картинах мира проявляется весь человеческий опыт познания, исторической эволюции, уникальности развития социума и взаимодействия с другими обществами и индивидами. Языковая картина мира вербализует данный опыт языковыми средствами конкретного языка, проявляя множество универсальных и индивидуальных языковых особенностей. При этом языковые картины мира отражают как свойства ментальности и исторического культурного опыта определенного этноса, запечатленные в когнитивной системе, так и особенности построения и функционирования самих конкретных языков. Вербальное выражение концептуальных структур предопределено теми вариативными свойствами языковых структур, которые заложены именно в данном языке. Антропоцентричность языка также задает возможность наличия не только языковой картины этноса, но и индивидуальной картины мира у каждого носителя языка.

Таким образом, в рецензируемой монографии представлено обобщенно-обзорное исследование одного из имманентных свойств языка – его вариативности. Л.Д. Исакова рассматривает данный феномен в общетеоретическом и системно-структурном планах, привлекая большое количество иллюстративного материала разносистемных языков: как дальнеродственных, так и типологически удаленных друг от друга. Обширный языковой материал, использованный в монографии, дает наглядное представление о многосторонности вариативных проявлений языка. Вариативность затрагивает все выделяемые в языке подсистемы и единицы в плане формы и содержания, в синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения «язык – внешний мир». Явления языковых изменений пронизывают всю систему языка и ее реализацию в речи. В языке постоянно происходят изменения частностей при сохранении инвариантного.

В монографии Л.Д. Исакова на богатом материале доказывает, что современные языки являются результатом продолжительных внутри- и внеязыковых изменений. Динамическая сущность языка проявляется в определенных законах фонетической, лексической, грамматической вариативности в каждом конкретном языке. Механизмы языковых изменений определяются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Актуальность исследования определяется неослабевающим интересом лингвистов как к вариативности, так и к константности языка. Необходимость обобщенного анализа языковой вариативности назрела давно, так как в целом изучаются лишь ее отдельные аспекты. Комплексное обобщение данного феномена дает возможность представить его масштабность и понять динамический характер языковых процессов.

Научная новизна исследования состоит в многоаспектном характере представления феномена языковой вариативности в рамках разных подходов с учетом динамической сущности языка.

Монография Л.Д. Исаковой представляет интерес не только для специалистов в области языка, культуры, межкультурной коммуникации, но и для всех интересующихся вопросами языкового многообразия и языковой динамики. Несомненными достоинствами работы являются большое количество примеров на материале разных языков и детальный разбор подходов типологического изучения языков мира, что представляет практическую ценность исследования, так как данный материал может стать объектом дальнейшего лингвистического оперирования, может учитываться в работах по общему языкознанию и вариантологии и использоваться при разработке спецкурсов по общей и сравнительной типологии.

Список литературы

- Гумбольдт В.* О возникновении грамматических форм и их влияние на развитие идей // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1984. – С. 327–349.
- Исакова Л.Д.* Многообразие языков в их вариативности. – Москва : Проспект, 2022. – 176 с.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Москва : Наука, 1972. – 213 с.

- Пинкер С. Язык как инстинкт / пер. с англ. ; общ. ред. В.Д. Мазо. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
- Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. – Ташкент : Госиздат УзССР, 1934. – 182 с.
- Солнцева В.М. Введение в теорию изолирующих языков. В связи с общими особенностями человеческого языка. – Москва : Восточная литература, 1995. – 353 с.
- Сепир Э. Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. – Москва : Прогресс ; Универс, 1993. – С. 223–248.
- Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. – Москва : Добросвет, 2000. – 200 с.
- Renfrew C. World Linguistic Diversity // *Scientific American*. – 1994. – P. 116–123.
- Schlegel von A.W. *Observations sur la langue et la litterature provençales*. – Paris : Libr. grecque-latine-allemande, 1818. – 122 p.

References

- Gumbol'dt V. O vznikoventii grammaticheskikh form i ih vlijanie na razvitie idej [On the emergence of grammatical forms and their influence on the development of ideas]. In *Izbrannye trudy po jazykoznaniju*. Moscow: Progress, 1984. P. 327–349. (In Russian)
- Isakova L.D. *Mногообразие языков v ih variativnosti* [The diversity of languages in their variability]. Moscow: Prospekt, 2022. 176 p. (In Russian)
- Kacnel'son S.D. *Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking]. Moscow: Nauka, 1972. 213 p. (In Russian)
- Pinker S. *Jazyk kak instinkt* [Language as an instinct]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 456 p. (In Russian)
- Polivanov E.D. *Russkaja grammatika v sopostavlenii s uzbekskim jazykom* [Russian grammar in comparison with the Uzbek language]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1934. 182 p. (In Russian)
- Solncev V.M. *Vvedenie v teoriju izolirujushchih jazykov. V svjazi s obshhimi osobennostjami chelovecheskogo jazyka* [Introduction to the theory of isolating languages. In connection with the general features of human language]. Moscow: Vostochnaja literatura, 1995. 353 p. (In Russian)
- Sepir Je. Jazyk [Language]. In Sepir Je. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii*. Moscow: Progress; Univers, 1993. P. 223–248. (In Russian)
- Shirokova A.V. *Sopostavitel'naja tipologija raznostrukturnyh jazykov* [Comparative typology of different structural languages]. Moscow: Dobrosvet, 2000. 200 p. (In Russian)
- Renfrew C. World Linguistic Diversity. In *Scientific American*. 1994. P. 116–123.
- Schlegel von A.W. *Observations sur la langue et la litterature provençales* [Observations on the Provençal language and literature]. Paris: Libr. grecque-latine-allemande, 1818. 122 p. (in French)

**Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал**

Серия 6
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024 – № 1

Компьютерная верстка *И.П. Леонтьева*
Корректоры *О.В. Шамова, И.П. Леонтьева*

Подписано к печати 13 / II – 2024 г.
Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 6,9 Уч.-изд. л. 5,7
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У